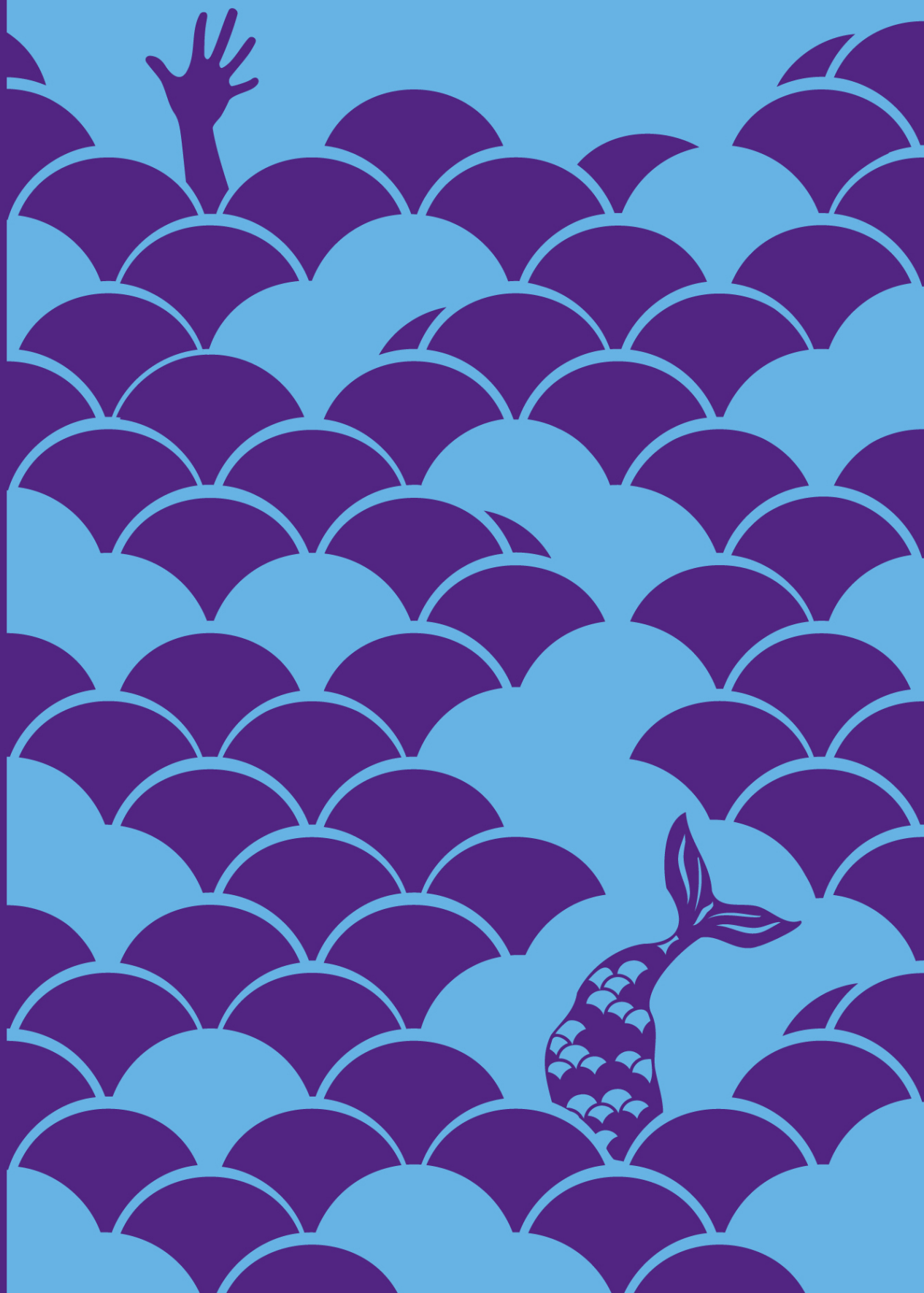

ГОВАРД ЛАВКРАФТ

Мгла над Інсмутом

Классика (Эксмо)

Говард Лавкрафт
Мгла над Инсмутом

«ЭКСМО»

1920–1940

УДК 821.111-312.2(73)

ББК 84(7Coe)-44

Лавкрафт Г. Ф.

Мгла над Инсмутом / Г. Ф. Лавкрафт — «Эксмо», 1920–1940 — (Классика (Эксмо))

ISBN 978-5-04-168107-4

Творчество американского писателя Говарда Филлипса Лавкрафта уникально и стало неиссякаемым источником вдохновения не только для мировой книжной индустрии, а также нашло свое воплощение в кино и играх. Большое количество последователей и продолжателей циклов Лавкрафта по праву дает право считать его главным мифотворцем XX века. Неподалеку от Аркхема расположен маленький городок Инсмут, в который ходит лишь сомнительный автобус с жутким водителем. Все стараются держаться подальше от этого места, но один любопытный молодой человек решает выяснить, какую загадку хранит в себе рыбацкий городок. Ему предстоит погрузиться в жуткие истории о странных жителях, необычайных происшествиях и диковинных существах и выяснить, какую загадку скрывает мгла над Инсмутом. Также в сборник вошли: известнейшая повесть «Шепчущий из тьмы» о существах Ми-Го, прилетевших с другой планеты, рассказы «Храм» и «Старинное племя» о древней цивилизации, рассказы «Лунная топь» и «Дерево на холме» о странностях, скрываемых землей, а также «Сны в Ведьмином доме» и «Гость-из-Тьмы» об ученых, занимавшихся фольклором и мифами, «Тень вне времени», «В склепе»

УДК 821.111-312.2(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-168107-4

© Лавкрафт Г. Ф., 1920–1940

© Эксмо, 1920–1940

Содержание

Храм	7
В склепе	15
Холодный воздух	20
Лунная топь	25
Шепчущий из тьмы	30
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Говард Лавкрафт

Мгла над Инсмутом

© Алякринский О., перевод на русский язык, 2022

© Лихачева С., перевод на русский язык, 2022

© Чарный В., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Храм

(Рукопись, обнаруженная на побережье Юкатана)

Двадцатого августа 1917 года я, Карл Хейнрих, граф фон Альтберг-Эренштайн, капитан-лейтенант Императорских военно-морских сил, командующий подводной лодкой U-29, вверяю эту бутылку с рукописью водам Атлантики в неизвестном мне месте; вероятно, его координаты 20 градусов северной широты и 35 градусов восточной долготы; здесь, на дне океана, покоится мое обездвиженное судно. Я поступаю так потому, что желаю обнародовать некоторые необычайные обстоятельства случившегося – сам я не выживу, и обстановка вокруг настолько же необычная, насколько зловещая, включая не только непоправимую поломку субмарины, но и то, что моя железная германская воля подорвана самым катастрофическим образом.

Днем 18 июня, как было доложено по радиосвязи на субмарину U-61, направлявшуюся в Киль, мы торпедировали британское грузовое судно «Виктори», следовавшее из Нью-Йорка в Ливерпуль, на 45 градусах 16 минутах северной широты и 28 градусах 34 минутах западной долготы, позволив экипажу эвакуироваться на спасательных шлюпках, чтобы снять кинофильм для министерского архива. Корабль тонул чрезвычайно зрелищно: корма погрузилась первой, форштевень высоко вздымался над водой, пока корпус погружался перпендикулярно океанскому дну. Наша кинокамера не упустила ни малейшей детали, и мне очень жаль, что столь прекрасная пленка никогда не попадет в Берлин. Затем мы потопили шлюпки из палубных орудий и совершили погружение.

Поднявшись на поверхность с заходом солнца, мы обнаружили на палубе труп моряка, чьи пальцы невероятно крепко сжимали релинг. Бедняга был молод, черноволос и обладал крайне привлекательной внешностью; вероятно, то был итальянец или грек, несомненно, принадлежавший к экипажу «Виктори». Очевидно, он искал спасения на нашей лодке, вынужденной потопить его судно – еще одна жертва войны, навязанной фатерлянду английскими свиносообаками. Наши люди обыскали его на предмет сувениров и нашли в кармане его бушлата весьма странную статуэтку из слоновой кости в виде головы юноши, увенчанной лавровым венком. Лейтенант Кленце, мой сослуживец, был убежден в том, что она имеет большую историческую и художественную ценность, и оставил ее себе. Ни он, ни я не могли понять, каким образом она оказалась у простого матроса.

Когда тело выбросили за борт, произошло два события, чрезвычайно обеспокоивших членов нашего экипажа. Глаза мертвеца были закрыты, но, когда его тащили к борту, они широко распахнулись, и многих позабавила нелепая иллюзия неотрывного и насмешливого взгляда, смотревшего на склонившихся над телом Шмидта и Циммера. Боцман Мюллер, человек пожилой, мог бы думать своей головой, не будь он суеверным эльзасским боровом, но так впечатлился увиденным, что следил за погружившимся в воду трупом и впоследствии клялся, что видел, как на небольшой глубине мертвец стал совершать плавательные движения и быстро поплыл на юг под волнами. Кленце и я были не в восторге от этих крестьянских бредней, и мы строго отчитали команду, в особенности Мюллера.

На следующий день сложилась непредвиденная ситуация, вызванная недомоганием некоторых подводников. Очевидно, его причиной являлся нервный срыв, вызванный длительным походом, – их мучили кошмары. Кое-кто из них имел оглушенный вид и был безразличен ко всему; убедившись в том, что они не симулянты, я освободил их от служебных обязанностей. Море было беспокойным, и мы опустились на глубину, где не так ощущалось волнение. Здесь было относительно тихо, несмотря на то что нам повстречалось загадочное южное течение, не отмеченное на морских картах. Стоны больных порядком раздражали нас, но мораль осталь-

ных членов экипажа не пострадала, и нам не пришлось прибегать к крайним мерам. Мы планировали оставаться на месте для перехвата лайнера «Дакия», маршрут которого нам сообщали агенты нашей разведки в Нью-Йорке.

Когда мы всплыли на поверхность, то обнаружили, что волны были уже не такими большими. На севере над горизонтом дымил линкор, но благодаря значительному расстоянию между нами и нашей способности погружаться мы были в безопасности. Куда больше нас волновали слова боцмана Мюллера, начавшего буйствовать с наступлением ночи. Его ребячество внушало отвращение – он болтал о том, что видел мертвецов, проплывающих за иллюминаторами и пристально смотревших на него, что в раздутых трупах он опознал моряков с победоносно затопленных нами судов, и над всеми предводительствовал найденный нами юноша, которого мы сбросили за борт. Эти слова ввергали всех в трепет и звучали ненормально, так что мы заковали его в кандалы и подвергли порке. Команда не одобрила подобное наказание, но необходимо было поддерживать дисциплину. Также мы отклонили просьбу делегации во главе с матросом Циммером о том, чтобы выбросить странную статуэтку из слоновой кости в океан.

Двадцатого июня матросы Бем и Шмидт, заболевшие накануне, окончательно помешались. Я пожалел о том, что в состав экипажа не включили врача, так как жизни германских граждан бесценны, но их неистовый бред о некоем ужасном проклятии самым пагубным образом нарушал дисциплину, и пришлось прибегнуть к радикальным мерам. Экипаж угрюмо отреагировал на случившееся, но благодаря этому успокоился Мюллер, больше не доставлявший нам хлопот. Вечером мы освободили его, и он молча приступил к своим обязанностям.

Последующую неделю мы провели в беспокойном ожидании «Дакии». Напряжение усилилось после исчезновения Мюллера и Циммера, совершивших самоубийство, не в силах справиться с гнетущим страхом, хотя никто не видел, как они покидали лодку. Я был рад избавиться от Мюллера, так как даже его молчание оказывало дурное влияние на команду. С тех пор все члены команды избегали разговоров, словно затаив некий страх. Многим нездоровилось, но буйных не было. Из-за постоянного напряжения терпение лейтенанта Кленце истощилось и каждая мелочь раздражала его, как, например, стоя дельфинов, сопровождавшая U-29, и все усиливающееся южное течение, не отмеченное на наших картах.

Спустя некоторое время мы поняли, что упустили «Дакию». Подобное иногда случается, и мы были скорее довольны, нежели разочарованы, так как могли возвращаться в Вильгельмсхафен. Днем двадцать восьмого июня мы взяли курс на северо-восток и следовали ему, невзирая на несколько комичные столкновения с невероятно возросшим количеством дельфинов.

Взрыв в машинном отделении в два часа ночи стал для всех полной неожиданностью. Вся техника работала безотказно, весь экипаж исправно выполнял свои обязанности, но чудовищный удар сотряс судно от носа до кормы. Лейтенант Кленце бросился в машинное отделение, обнаружив, что уничтожен топливный бак и почти весь двигатель; судовые механики Раабе и Шнайдер погибли мгновенно. Положение наше было угрожающим – несмотря на то что система регенерации воздуха и шлюзовой затвор не пострадали и мы могли всплывать и погружаться, используя сжатый воздух и аккумуляторные батареи, управлять субмариной не было никакой возможности. Использовать спасательные шлюпки значило отдаться в руки врага, беспричинно ожесточившегося против нашей великой германской нации. Радиопередатчик не работал с тех пор, как мы связывались с германской подлодкой, атаковав «Виктори».

С того момента, как случилась авария, и до второго июля мы непрерывно дрейфовали на юг без каких-либо планов и не встретили ни одного судна. С учетом пройденного нами расстояния удивительным было то, что дельфины все еще следовали за подлодкой. Утром второго июля мы заметили линкор под американским флагом, и командой овладело беспокойство; многие желали сдаться. В конце концов лейтенанту Менце пришлось застрелить матроса Траубе, наиболее рьяно выражавшего свои антигерманские настроения. На время волнения прекратились, и мы погрузились незамеченными.

На следующий день с юга плотной стаей налетели птицы, и океан вздыбился. Задраив люки, мы следили за развитием ситуации, пока не стало ясно, что необходимо погружаться, иначе нас опрокинет волнами. Давление воздуха и заряд батарей падали, и мы хотели избежать нерационального расходования наших скромных ресурсов, но выбора не было. Переждав на небольшой глубине несколько часов, мы решили подняться, так как волнение несколько стихло. Здесь нас ждало новое бедствие – мы не могли всплыть наверх, несмотря на все усилия механиков. Команду страшила перспектива подводного заточения, снова слышались разговоры о статуэтке лейтенанта Кленце, но всех успокоил вид пистолета. Мы стремились занять этих бедняг какой угодно работой, хотя возня с машинами и была бессмысленной.

Кленце и я спали посменно, и в пять утра четвертого июля во время моего сна на судне поднялся бунт. Оставшиеся шестеро матросов подозревали, что мы окончательно потерялись; эти свиньи, разозленные позавчерашним отказом сдаться американцам, впали в безумие, круша все вокруг. Они рычали, словно звери, коими и являлись, без разбора ломая инструменты и мебель, неся полный бред о проклятой статуэтке из слоновой кости и темноволосом юноше, что, уплывая, провожал их взглядом. Лейтенанта Кленце будто парализовало, и он не оказывал сопротивления – впрочем, чего еще ждать от изнеженного, женоподобного уроженца Рейнланда? Я застрелил всех шестерых, как того требовали обстоятельства, и лично убедился в том, что никто не выжил.

Мы избавились от тел при помощи парных люков; теперь нас было лишь двое. Кленце заметно нервничал и постоянно пил. Было решено, что мы постараемся протянуть как можно дольше, благо наши запасы провианта и кислорода не пострадали от рук этих взбесившихся свинских собак. Наши компасы, эхолоты и остальные чувствительные приборы были выведены из строя, и отныне мы могли лишь догадываться о нашем местонахождении при помощи часов, календаря и того, что могли заметить сквозь иллюминаторы или из рубки, пока дрейфовали. Заряда аккумуляторных батарей, к счастью, должно было хватить надолго как для освещения отсеков, так и для прожектора. Последним мы пользовались часто, но видели лишь дельфинов, плывших параллельно нашему курсу. К этим дельфинам у меня возник научный интерес: обыкновенный *Delphinus delphis*, являясь китообразным млекопитающим, неспособен обходиться без воздуха, но я наблюдал за одним из них в течение двух часов и не видел, чтобы он поднимался на поверхность.

Шло время, и мы с Кленце решили, что продолжаем дрейфовать на юг, постепенно погружаясь все глубже и глубже. Мы отмечали, что за флора и фауна встречалась нам, и в свободное время читали об увиденном в принадлежавших мне справочниках. Не могу не отметить скудность научных познаний моего товарища. Его склад ума был совершенно не прусским; он был подвержен никчемным фантазиям и выдумкам. На него странно влияла неотвратимость приближавшей смерти, и он часто молился за упокой мужчин, женщин и детей, отправленных нами на дно, забывая о том, что все, совершенное ради германского государства, есть благо. Вскоре его душевное здоровье заметно пошатнулось – он часами смотрел на статуэтку из слоновой кости и плел небылицы о том, что покоится в морских глубинах, затерянное, позабытое. Иногда в качестве психологического эксперимента я задавал ему наводящие вопросы, в ответ выслушивая бесконечные поэтические цитаты и истории о затонувших кораблях. Мне было жаль его, так как мне тяжело видеть страдания германца, но он был не из тех, с кем можно достойно встретить смерть. Касательно себя у меня не было сомнений, так как я знал, что фатерлянд почтит мою память, а мои сыновья, по моему подобию, станут настоящими мужчинами.

Девятого августа мы изучали океанское дно при помощи нашего мощного прожектора. Оно было холмистым, по большей части покрытым водорослями и усеянным моллюсками. Повсюду встречались осклизлые объекты загадочного вида, утопавшие в морской траве и ракушках; Кленце объявил, что это старинные корабли, нашедшие свое последнее пристанище.

Его смутила тупоконечная возвышенность из твердого вещества с плоскими гранями и гладкой поверхностью, почти на четыре фута возвышавшаяся над дном. Я сказал, что это обломок скалы, но Кленце казалось, что он покрыт резьбой. Затем он задрожал и отвернулся, будто испугавшись чего-то, но не мог объяснить, чего именно, отвечая, что его лишили самообладания бескрайность, темнота, древность и загадочность океанской бездны. Рассудок его ослаб, но я всегда остаюсь германцем, сразу отметив два обстоятельства: корпус U-29 великолепно выдерживал давление водной толщи и дельфины по-прежнему были рядом, несмотря на то что большинство натуралистов признает невозможным существование высших форм жизни на такой глубине. Я был уверен в том, что переоценил ее, но, так или иначе, мы должны были погрузиться достаточно глубоко, чтобы эти явления можно было счесть необыкновенными. На юг мы двигались с прежней скоростью, судя по моим наблюдениям за океанским дном и оценке скорости фауны в верхних слоях.

Двенадцатого августа в пятнадцать минут четвертого несчастный Кленце совершенно обезумел. Он находился в рубке, управляя прожектором, пока я сидел в другом отсеке с книгой. Вдруг он появился рядом; лицо его, обычно бесстрастное, исказилось. Я привожу здесь его слова, подчеркивая те, которые он выделял: «*Он зовет! Он зовет! Я слышу! Идем!*» Он взял со стола статуэтку, сунув ее в карман, схватил меня за руку, пытаясь увлечь меня к палубному трапу. Я сразу понял, что он хочет открыть люк и выбраться наружу; подобная непредсказуемая, самоубийственная выходка застала меня врасплох. Я воспротивился, пытаясь успокоить его, но это лишь разозлило его, и он сказал: «Медлить нельзя, *идем*, лучше раскаяться и получить прощение, чем отринуть *его* себе на погибель!» Тогда я пошел иным путем, прямо сказав ему, что он сошел с ума и что он жалкий безумец. Бесполезно. Он вскричал: «Если я и безумец, то лишь *его* милостью! Да сжалятся боги над тем, кто в своей черствости способен сохранить рассудок до ужасного конца! Идем, безумствуй, пока зов *его* все еще милостив!»

Эта вспышка ярости, должно быть, охладила его воспаленный мозг – он смягчился и стал просить, чтобы я отпустил его, если не хочу следовать за ним. Все прояснилось – он был германцем, но в то же время рейнландским простолудином, к тому же опасным сумасшедшим. Выполнив его самоубийственную просьбу, я немедленно избавил бы себя от того, кто больше не был моим товарищем, но представлял угрозу. Я спросил, не отдаст ли он мне статуэтку, но ответом мне был столь жуткий хохот, что я не осмелился повторять свою просьбу. Тогда я спросил, не желает ли он оставить хотя бы прядь волос на память для своей семьи в Германии на тот случай, если меня все же спасут, но он вновь захохотал. Он взобрался по трапу, и, соблюдая необходимые временные интервалы, я открыл шлюз, тем самым обрекая его на верную смерть. Когда я увидел, что он покинул судно, я включил прожектор, пытаясь разглядеть его тело и понять, расплющило ли его давлением согласно теории или труп остался нетронутым, как те дельфины. Однако я не сумел разглядеть тело покойного товарища, так как вокруг рубки скопилось невероятное количество этих животных.

В тот вечер я пожалел, что тайком не вытащил статуэтку из кармана бедняги Кленце, так как одно лишь воспоминание о ней пленяло меня. Я никак не мог забыть прекрасную голову юноши, увенчанную лавром, хоть по натуре своей я не творческий человек. Также я сожалел о том, что лишился единственного собеседника. Хотя мой ум был куда острее, Кленце был лучше, чем ничего. В ту ночь я плохо спал, гадая, насколько близок мой конец. Без сомнения, шансов на спасение практически не было.

На следующий день я поднялся в рубку и по обыкновению приступил к исследованию при помощи прожектора. На севере картина оставалась неизменной с тех пор, как четыре дня назад мы впервые увидели дно, но я заметил, что U-29 теперь двигалась медленнее. Обратив луч к югу, я увидел, что дно океана стало более пологим, местами встречались каменные блоки удивительно правильной формы, будто расставленные согласно некоему плану. Лодка погружалась медленно, океан становился все глубже, и я был вынужден повернуть прожектор так,

чтобы луч смотрел вертикально вниз. Так как я сделал это слишком резко, отсоединился провод, и я потратил не одну минуту на починку, пока долина внизу не осветилась снова.

Я не подвержен эмоциям, но то, что открылось мне в электрическом свете, поразило меня. Воспитанный в лучших традициях прусской Kultur, я не должен был испытать подобное потрясение, так как геология и предания повествуют о том, как менялись океаны и целые континенты. Подо мной раскинулись стройные ряды величественных, в разной степени разрушенных зданий; подобный архитектурный стиль был мне незнаком. Многие из них, вероятно, были построены из мрамора, сверкая белым в свете прожектора; общая картина представляла собой гигантский город на дне узкой долины с многочисленными храмами и виллами, стоявшими отдельно, на склонах холмов. Крыши домов провалились, колонны были разрушены, но ничто не могло затмить духа и великолепия незапамятной древности.

Наконец-то мне повстречалась Атлантида, которую я считал почти что мифом, и я превратился в самого ревностного исследователя. На дне долины когда-то текла река – я более тщательно изучил его и увидел остатки мостов и набережных из камня и мрамора, террасы и валы, некогда цветущие и прекрасные. Энтузиазм превратил меня в подобие сентиментального идиота, каким являлся злополучный Кленце, и слишком поздно заметил, что южное течение больше не увлекает подлодку и U-29 медленно приближается к затонувшему городу, подобно аэроплану, летящему над земными городами там, наверху. Кроме того, я увидел, что стая необычных дельфинов исчезла.

Примерно через два часа субмарина легла на мощеную площадь неподалеку от скалистого склона долины. С одной стороны я мог видеть весь город, полого спускавшийся к руслу реки, с другой, в манящей близости, – превосходно сохранившийся, богато украшенный фасад величественного здания, очевидно храма, высеченного в скале. Могу лишь строить догадки о том, кто создал столь титаническое сооружение. За невероятных размеров фасадом с великим множеством окон, очевидно, скрывался массив храма в глубине скалы. В его центре разверзлась гигантская дверь в обрамлении вакхических горельефов; к ней вела впечатляющая каменная лестница. Наиболее поразительными были гигантские колонны и фризy, украшенные скульптурами непередаваемой красоты, вероятно, изображавшими идеализированные пасторали и процессии жрецов и жриц со странными церемониальными предметами в руках, поклонявшихся лучезарному богу. Мастерство исполнения было феноменальным, стиль в общих чертах напоминал эллинистический, но обладал удивительной индивидуальностью, оставляя впечатление немыслимой древности и, скорее, будучи наиболее далеким предком греческого искусства. Я не сомневался в том, что каждая деталь этого колоссального сооружения была высечена в девственной скале, бывшей частью гряды, обрамлявшей долину, но я не мог вообразить, сколь необъятным было внутреннее пространство. Быть может, сердцем его была пещера или несколько пещер. Ни годы, ни погружение под воду не оставили следа на первозданной величавости этой внушающей благоговение храмины – да, это мог быть только храм, – и сейчас, спустя тысячи лет, он, неврежденный и незапятнанный, покоился среди бесконечной ночи в безмолвной бездне океана.

Не помню, сколько часов я провел, изучая затонувший город со всеми его зданиями, аркадами, статуями и мостами и колоссальный храм, прекрасный и загадочный. Хотя я и знал, что смерть близка, меня пожирало любопытство, и я безостановочно светил прожектором. Его луч открыл мне множество деталей, но не мог пробиться за разверстый зев двери вырубленного в скале храма, и спустя некоторое время я выключил ток, понимая, что энергию необходимо экономить. Свет был уже не таким ярким, как в начале дрейфа. В предчувствии скорого погружения во мрак мое желание проникнуть в тайны глубин все возрастало. Я, германец, должен первым ступить на эту землю, спавшую целую вечность!

Я достал и тщательно осмотрел металлический водолазный скафандр, поэкспериментировав с настройками портативного регенератора воздуха и электроэнергии. Хотя выход через

парный люк в одиночку и будет сопряжен с некоторыми трудностями, полагаю, что моих умений хватит, чтобы преодолеть все препятствия и оказаться в мертвом городе.

Шестнадцатого августа я успешно покинул борт U-29, с трудом прокладывая себе путь к древней реке по разрушенным, утопающим в иле улицам. Ни скелетов, ни иных человеческих останков я не нашел, но значительно обогатил свои знания благодаря обнаруженным скульптурам и монетам. Об этом говорить я не стану, лишь упомяну, что был невероятно восхищен культурой, находившейся в зените славы, когда на просторах Европы бродили пещерные люди и никто не взирал на воды Нила, текущие к морю. Кто-то другой, прочитав эту рукопись, если ее когда-нибудь найдут, должен разгадать тайны, о которых я говорю лишь вскользь. Заряд батареи падал, и я вернулся на субмарину, решив заняться исследованием храма на следующий день.

Семнадцатого числа желание проникнуть в таинственный храм стало еще сильнее, но меня постигло великое разочарование: я обнаружил, что все необходимое для восполнения заряда портативного фонаря было уничтожено свиньями-бунтовщиками. Гневу моему не было предела, но мой германский здравый смысл воспреещал мне отправляться в непроглядную тьму без должной подготовки, так как я мог оказаться в логове какого-нибудь неопишемого морского чудовища или навсегда затеряться в лабиринте коридоров. Все, что мне оставалось, – включить слабеющий прожектор U-29 и при его помощи взойти по ступеням, чтобы изучить наружное убранство храма. Луч входил в дверной проем под острым углом, и я заглянул внутрь, пытаясь что-либо разглядеть, но усилия мои были тщетны. Не видно было даже потолка, и хотя я шагнул внутрь, ощупывая пол посохом, пройти дальше не решился. Более того, впервые в жизни меня обуял беспросветный страх. Я понял, почему пал духом несчастный Кленце, так как храм притягивал меня все сильнее, но слепой ужас охватывал меня при мысли о том, что лежало в этих затопленных залах. Вернувшись на субмарину, я выключил свет и предавался размышлениям в полной темноте. Отныне энергию стоило расходовать лишь в крайних случаях.

Всю субботу восемнадцатого августа я провел в крошечной тьме, мучимый мыслями и воспоминаниями, грозившими сломить мою германскую волю. Кленце обезумел и погиб прежде, чем достиг этого зловещего реликта из невообразимо далекого прошлого, и звал меня с собой. Хранила ли судьба мой рассудок лишь потому, что мне был уготован чудовищный, невысказанный конец, о котором не смел и думать никто из рода человеческого? Ясно одно – нервы мои расшатались, и мне следовало отбросить подобные измышления, свойственные лишь слабым.

Ночью мне не удалось заснуть, и я включил свет, презрев будущее. Плохо, что батареи сядут раньше, чем воздух и провизия. Я вновь задумался о самоубийстве и долго смотрел на свой пистолет. Должно быть, к утру я уснул, так как вчера днем проснулся в темноте и обнаружил, что заряд батарей иссяк. Одну за другой я жег спички, отчаянно жалея о недальновидности, с которой мы израсходовали наш скудный запас свечей.

Когда погасло пламя последней из растроченных мною спичек, я в полной тишине сидел без света. Думая о том, что смерть моя неизбежна, я воспроизводил в памяти предшествующие события, и во мне пробудилась доселе дремавшая мысль, от которой содрогнулся бы более суеверный и слабый человек. *Голова лучезарного бога среди храмовых скульптур была идентична статуэтке из слоновой кости, которую забрал у моря мертвый моряк, а бедный Кленце вернул ее назад.*

Меня слегка ошеломило это открытие, но страха я не испытывал. Лишь недалекий ум спешит объяснить нечто исключительное и сложное при помощи примитивных суеверий. Да, совпадение было странным, но я мыслил слишком здраво, чтобы искать в этих обстоятельствах отсутствовавшую логику или проводить невероятные ассоциации между потоплением «Виктории» и моим нынешним бедственным положением. Чувствуя, что мне необходим отдых, я

принял снотворное и поспал еще немного. Мое душевное состояние, должно быть, отражалось в моих снах – мне слышались вопли тонущих и виделись лица мертвецов, прижатые к стеклам иллюминаторов. Среди них было и живое, насмешливое лицо юноши со статуэткой из слоновой кости.

Мне следует описать свое пробуждение с осторожностью, так как мои нервы были на пределе и галлюцинации определенно мешались с реальными событиями. Моя болезнь представляет крайний интерес, и я сожалею, что не подвергнусь обследованию компетентных германских специалистов. Едва я открыл глаза, как меня охватило всепоглощающее желание пойти в храм, и оно становилось все сильнее, но я автоматически противился ему благодаря дремавшему страху. Затем я увидел *свет* вопреки тому, что батареи издохли. Он исходил из иллюминатора, обращенного к храму, – вода за ним фосфоресцировала. Во мне вновь пробудилось любопытство, так как я знал, что ни один глубоководный организм не способен испускать подобное свечение. Перед тем как я смог изучить это явление, случилось нечто, заставившее меня усомниться в том, верно ли мне служат мои чувства. Это была слуховая галлюцинация: ритмический, мелодический гимн достигал моих ушей сквозь полностью звуконепроницаемый корпус U-29, словно снаружи пел дикий, но прекрасный хор голосов. Убедившись в собственной ненормальности и том, что нервы мои сдали, я зажег спичку и принял большую дозу бромида натрия, благодаря которому я успокоился, и иллюзия пения развеялась. Но свечение никуда не делось, и я с трудом подавил ребяческое желание подойти к иллюминатору, чтобы увидеть его источник. Оно выглядело совершенно реальным, и с его помощью я вскоре смог различать знакомые предметы, окружавшие меня, как и пустой флакон бромида натрия, хоть я и не знал, куда поставил его. Последнее обстоятельство меня озадачило, и я пересек отсек, коснувшись стекла. Оно было на том же самом месте, где я его видел. Мне стало ясно, что свет был частью галлюцинации столь сильной, что не было надежды на то, что я смогу с ней бороться, и, не сопротивляясь ей, я отправился в рубку, чтобы найти источник свечения. Быть может, это другая подводная лодка, а с ней – шанс на спасение?

Будет хорошо, если читатель не сочтет все последующее правдой, так как последующие события попирают законы природы, а следовательно, являются вымышленным плодом моего истощенного ума. Поднявшись в рубку, я увидел, что воды вокруг освещены куда слабее, чем я предполагал. Поблизости не было ни фосфоресцирующих животных, ни водорослей, и спускавшийся к реке город тонул в непроглядной черноте. То, что я увидел потом, не было ни впечатляющим, ни ужасным и не испугало меня, хоть я и потерял последнюю надежду на сохранность своего рассудка. *Дверь и окна высеченного в скале храма испускали яркие лучи, словно где-то там, в глубине, сияло могучее пламя алтаря.*

Все последующие события хаотичны. Пока я смотрел на сверхъестественный свет, исходящий из двери и окон храма, меня начали одолевать причудливые видения – настолько сумасбродные, что я не знаю, с чем их связать. Мне чудилось, что я различаю некие объекты в храме, одни из них двигались, другие нет; и снова мне слышался тот гимн, что звучал после моего пробуждения. Меня кружило в водовороте ужасных мыслей, в самом центре которого был утонувший юноша и лицо из слоновой кости, точь-в-точь такое же, как на фризах и колоннах стоявшего передо мной храма. Я думал о несчастном Кленце, о том, где покоилось его тело вместе с образом, что он унес с собой в море. Он силился о чем-то меня предупредить, но я не внял ему, ведь он был недалеким рейнландцем и сошел с ума от того, что любой пруссак перенесет с легкостью.

Дальше все просто. Мой порыв отправиться в храм стал необъяснимым, властным приказом, которому невозможно не подчиниться. Мои действия больше не подконтрольны моей германской воле – с ее помощью я способен выполнять лишь простые действия. Безумие, овладевшее Кленце, было столь сильным, что он отправился в океан безо всякой защиты, но я родился в Пруссии, и здравый смысл все еще не покинул меня, и воспользуюсь тем немно-

гим снаряжением, что еще функционирует. Когда я понял, что должен идти, я подготовил мой водолазный скафандр, шлем, регенератор воздуха, чтобы без промедления воспользоваться ими, и поспешно взялся за составление хроники событий, надеясь, что однажды она увидит свет. Я запечатаю рукопись в бутылке и вверю ее водам океана, так как навсегда покидаю борт U-29.

Во мне нет страха, невзирая на все, о чем вещал безумец Кленце. То, что я видел, не может быть правдой, и я знаю, что мой помутившийся разум угаснет, когда закончится кислород. Свет в храме – явная иллюзия, и я умру спокойно, как германец, в этих черных, забытых глубинах. Демонический хохот, достигающий моего слуха, пока я пишу, является плодом моего слабеющего мозга. Я с должным тщанием облачусь в скафандр и храбро взойду по ступеням к этому первобытному святилищу, безмолвной тайне неизмеримых глубин и бессчетных лет.

1920

В склепе

С моей точки зрения, нет ничего более абсурдного, чем устоявшееся в умах большинства людей мнение о том, что все невзрачное несет в себе благо. Стоит упомянуть буколическую пастораль Новой Англии, безграмотного, жилистого деревенского гробовщика и несчастный случай в склепе, как заурядный читатель представит трагикомический эпизод поучительной истории. Однако лишь Господу Богу ведомы все обстоятельства случившегося с ныне покойным Джорджем Берчем, о которых теперь я могу рассказать – в сравнении с ними меркнет самая жуткая из трагедий.

В 1881 году Берча признали частично недееспособным, он сменил профессию и по возможности старался избегать разговоров о том, что тогда произошло. Отмалчивался и его старый лечащий врач, Дэвис, что умер много лет назад. Официально считалось, что увечья Берча, равно как и пережитый шок, были следствием досадной оплошности, благодаря которой он провел девять часов запертым в кладбищенском склепе Пек-Вэлли и выбрался из злополучного места лишь благодаря грубой силе. Несомненно, это было правдой, но в пьяном угаре он до самого конца нашептывал мне об иных, куда более мрачных подробностях. Будучи моим пациентом, он открылся мне; возможно, потому, что со смертью старого Дэвиса ощущал необходимость поговорить хоть с кем-то – он никогда не был женат, и родных у него не было.

До 1881 года Берч занимал должность гробовщика в деревне Пек-Вэлли. Второго такого черствого и неотесанного человека было не сыскать. В наши дни методы его работы показались бы неслыханными, во всяком случае жителям города, но даже деревенским стало бы не по себе, прознай они о том, как вел себя Берч в таких щепетильных делах, как распоряжение ценным имуществом покойных после захоронения, надлежащая подготовка усопших к погребению и точная подгонка гробов по их росту. Совершенно ясно, что Берч был небрежным, бестактным и не годился для этой работы; и все же я не считаю его дурным человеком. Скорее, он был толстокожим тугодумом – беспечным, беззаботным выпивохой без единой крохи воображения, присущей обычным людям, благодаря которой те держали себя в рамках приличий. Будь он иным, случившейся беды можно было бы запросто избежать.

Трудно сказать, с чего лучше начать повествование, ведь я не считаю себя искушенным рассказчиком. Полагаю, что отправной точкой является декабрь 1880 года, когда земля промерзла настолько, что могильщикам стало ясно, что до весны ни одной могилы им не вырыть. К счастью, деревня была небольшой, люди в ней умирали редко, и у Берча была возможность размещать всех усопших в старинном склепе на территории кладбища. Скверная погода как нельзя хуже сказалась на состоянии гробовщика, и он превзошел сам себя в безалаберности. Еще никогда он не делал столь неуклюжих, несклепистых гробов и совершенно позабыл о том, что нужно заняться ржавым замком на двери, которой без конца хлопал.

Наконец пришла весна и с ней – оттепель. Девять свежих могил ждали безмолвной жатвы старухи с косой – девять тел, лежавших в склепе. Берч приходил в трепет при одной мысли о предстоящей работе, но все же взялся за дело хмурым апрельским утром. Еще до полудня ему помешал проливной дождь, напугавший лошадь, и он успел справиться всего с одним неупокоенным телом, принадлежавшим девяностолетнему Дарию Пеку, чья могила была недалеко от склепа. Берч решил, что утром следующего дня разберется с коротышкой Мэттью Фэннером, могилу которому тоже вырыли рядом, но передумал, отложив все на три дня до 15-го числа Страстной пятницы. Не будучи суеверным, он не придавал значения этой дате, хотя впоследствии старался вообще не работать в этот роковой день. Несомненно, что события того вечера навсегда изменили ход жизни Джорджа Берча.

Днем пятницы, 15 апреля, Берч запряг лошадь и погнал телегу к склепу за телом Мэттью Фэннера. Позже он не отрицал, что был нетрезв, хоть еще и не начал пьянствовать, чтобы

забыться. Он был навеселе и достаточно беспечно обращался с поводьями, чтобы разозлить свою чуткую лошадь – на пути к склепу она ржала, била копытом, дергалась, совсем как во время встревожившего ее ливня. Небо было ясным, но дул сильный ветер, и Берч был рад крыше над головой, когда отпер железный замок и вошел в склеп, прилепившийся к склону холма. Кто-либо другой вряд ли бы нашел приятным пребывание в его сыром, зловонном зале с восемью разбросанными в беспорядке гробами, но толстокожий Берч в те дни думал лишь о том, как бы не перепутать их, опуская в могилы. Он хорошо помнил, как его хаяли всей деревней, когда переехавшие в город родственники Ханны Биксби вознамерились перезахоронить ее тело на тамошнем кладбище и обнаружили, что под ее могильной плитой лежит гроб судьи Кэпвелла.

В склепе царил полумрак, но Берч отличался хорошим зрением и не взялся за гроб Асафа Сойера, похожий на тот, что был ему нужен. На самом деле он делался для Мэттью Фэннера, но вышел настолько неказистым и непрочным, что гробовщик почувствовал что-то вроде раскаяния и сколотил другой, вспомнив, как добрый старичок помогал ему пять лет назад, когда он обанкротился. Взамен старина Мэтт получил лучший гроб из тех, что ему доводилось делать, но расчетливый Берч не стал избавляться от первого и припас его для Асафа Сойера, скончавшегося от злокачественной лихорадки. Сойер был пренеприятным типом, и среди местных ходили слухи о его нечеловеческой мстительности и крепкой памяти на причиненные ему обиды – надуманные или настоящие. Поэтому совесть не мучила Берча, и он отодвинул в сторону этот наспех сбитый ящик, чтобы добраться до другого, предназначавшегося Фэннеру.

Едва он опознал гроб старика Мэтта, дверь склепа захлопнулась под напором ветра, и стало еще темнее, чем прежде. Свет едва пробивался в узкое окошко над дверью и совершенно не проходил в вентиляционное отверстие на потолке; изрыгая проклятия и спотыкаясь о гробы, он на ощупь стал пробираться к выходу. В мрачной полутьме он дергал за ржавую ручку, толкал массивную железную дверь, не понимая, почему та перестала поддаваться. Наконец он смекнул, в чем дело, и завопил во весь голос, словно его лошадь, ждавшая снаружи, могла чем-то помочь, кроме того, чтобы издевательски заржать в ответ. Замок, о котором он так и не позаботился, сломался, и безалаберный гробовщик оказался в ловушке, пав жертвой собственной не дальновидности. Случилось это днем, около половины четвертого. Флегматичный, деятельный Берч не стал тратить силы на призывы о помощи, решив отыскать кое-какие инструменты, которые, как он помнил, лежали в углу зала. Маловероятно, что он сознавал весь ужас и нелепость своего положения, но сам факт того, что он оказался взаперти и вдали от людей, порядком разъярил его. Все, что он должен был сделать в тот день, пошло прахом, и если случаю не суждено было свести его с каким-нибудь случайным посетителем, он мог остаться здесь на всю ночь или того дольше. Вскоре он добрался до кучи инструментов, разыскал молоток со стамеской и, перебираясь через гробы, вернулся к двери. Смерд в склепе становился все отвратительнее, но он не обращал на это внимания, на ощупь пытаясь справиться с неподатливым, изъеденным ржавчиной замком. Сколько бы он дал за свечу или хотя бы огарок! Но не было ни того, ни другого, и он продолжал кое-как, почти вслепую, ковыряться в замке.

Когда он понял, что надежды открыть замок при помощи этих жалких инструментов в таком непроглядном мраке нет никакой, то принялся смотреть по сторонам в поисках возможного выхода. Склеп вырыли на склоне холма, и узкий вентиляционный ход на потолке шел через несколько футов земли, так что этот вариант он сразу отмел. Узкое окошко в кирпичной стене над дверью, напротив, можно было расширить, если постараться как следует, и он рассматривал его, соображая, как можно до него добраться. В склепе не было лестницы и ничего, способного ее заменить; ниши для гробов сбоку и в глубине помещения, которыми пренебрегал Берч, не давали возможности подобраться к окну. Оставались только гробы, используя которые можно было соорудить подобие лестницы со ступенями, и он обдумывал, как лучше подступиться к ним. Он рассчитал, что высоты трех гробов хватит, чтобы добраться до окна,

но надежнее было бы использовать четыре из них. Их размеры почти что совпадали, их можно было бы поставить друг на друга, и он прикидывал, как сопоставить все восемь ящиков так, чтобы четыре из них стали ступенями. Теперь он думал о том, что эта импровизированная лестница могла бы быть прочнее. Вряд ли ему хватало ума, чтобы вспомнить о тех, кто покоился в гробах.

В конце концов он решил уложить три ящика у стены параллельно друг другу, поставить на них еще четыре попарно и последний затащить на самый верх. На такую конструкцию можно было забраться, приложив минимум усилий, и легко достичь нужной высоты. Вдруг ему пришла в голову новая мысль – использовать в качестве основания только два гроба, а один оставить про запас, на случай если потребуется забраться еще выше. Затем невольный узник принялся за работу, бесцеремонно перетаскивая безответные останки смертных для постройки своей миниатюрной Вавилонской башни. Кое-какие гробы трескались, не выдерживая нагрузки, и он решил разместить самый крепкий из них, где лежал Мэттью Фэннер, на самом верху, чтобы опора под его ногами была как можно надежнее. В темноте все приходилось делать почти что наугад, и ему случайно попался нужный гроб, будто его направляла чья-то воля – он уже успел опрометчиво поставить его в третий ряд.

Когда башня была сложена, он дал отдых своим усталым рукам, усевшись на нижней ступени этого мрачного сооружения. Затем осторожно поднялся наверх, захватив инструменты, и узкое окно оказалось на уровне его груди. Вокруг окна была сплошь кирпичная кладка, и он не сомневался, что сумеет расширить его так, чтобы протиснуться наружу. С первыми ударами молотка слышалось то ли ободряющее, то ли насмешливое ржание лошади снаружи. В любом случае оно было как нельзя кстати, так как кирпичная кладка оказалась неожиданно прочной, став своего рода язвительной насмешкой над тщетой надежды смертных и тяжести труда, заслуживавшего всевозможного поощрения.

Солнце зашло, а Берч все еще работал в поте лица. Теперь он руководствовался почти лишь наитием, так как луна скрылась за набежавшими облаками, и, хотя дело продвигалось медленно, он с облегчением видел, как расширилось отверстие в кладке. Он был уверен, что сможет покинуть склеп к полуночи, хотя эта мысль не мешалась в нем со страхом потустороннего. Избавленный от гнетущих раздумий о времени, месте и том, что покоилось у него под ногами, он философски вгрызался в камень; бранился, когда осколок отлетал в лицо, и захохотал, когда один из них попал во встревоженную лошадь, что паслась у кипариса. Скоро дыра увеличилась настолько, что он стал проверять, не сможет ли пролезть в нее, и гробы под ним качались и скрипели от этой возни. Он увидел, что ему не придется тащить наверх еще один ящик, так как отверстие было как раз на нужной высоте, и он сумел бы выбраться сразу, как только достаточно расширит его.

Должно быть, уже наступила полночь, когда Берч наконец решил, что теперь точно протиснется в окно. Несмотря на частые передышки, он порядком устал и вспотел, а потому спустился вниз, усевшись на стоявший внизу гроб, чтобы набраться сил для последнего рывка. Голодная лошадь ржала почти непрерывно, едва ли не зловеще, и он смутно желал, чтобы она успокоилась. Странно, но мысль о близкой свободе угнетала его; он страшился предстоящей вылазки, так как обрюзг, обленился и был уже немолод. Взбираясь обратно, он чувствовал, как сильно ему мешает лишний вес, а когда долез до самого верха, услышал, как опасно затрепцали ломающиеся доски. Оказалось, что он напрасно выбирал самый крепкий гроб в качестве последней опоры – стоило ему вскарабкаться на него, как прогнившая крышка не выдержала, и он провалился на два фута вниз, где лежало то, о чем он даже не осмеливался думать. Лошадь, то ли испугавшись треска, то ли зловонного облака, вырвавшегося наружу, взбесилась, издав дикий крик, ничуть не похожий на ржание, и бросилась прочь во тьму, увлекая за собой грохочущую телегу.

Очутившись в этом ужасающем положении, Берч уже не мог с легкостью пролезть в окно и пытался собрать остатки сил, чтобы выбраться. Вцепившись в кладку по краям отверстия, он хотел было подтянуться, но почувствовал, как что-то схватило его за лодыжки. Впервые за эту ночь он испугался по-настоящему, так как не мог высвободиться из цепкого захвата, как ни пытался. Невыносимая боль пронзила его икры, словно что-то изранило их, и в его мозгу страх мешался с логическим объяснением происходящего, предполагавшим, что виной тому были щепки и гвозди, торчавшие из покореженного гроба. Кажется, он кричал. Как бы то ни было, будучи на грани обморока, он бешено брыкался, извиваясь.

В окно он сумел протиснуться лишь благодаря инстинкту и грохнулся на сырую землю, как бурдюк. Идти он не мог, и показавшаяся в небе луна освещала ужасное зрелище: гробовщик полз к кладбищенской сторожке, бессильно волоча за собой окровавленные ноги, зарываясь пальцами в черную грязь в безумном усилии, а тело отказывалось подчиняться ему, словно он пал жертвой ночного кошмара, где его преследовал призрак. Но за ним никто не гнался – его, живого, обнаружил смотритель кладбища, Армингтон, услышав, как тот из последних сил скребется в дверь сторожки. Он уложил Берча на свободную постель и послал своего маленького сына, Эдвина, за доктором Дэвисом. Несчастный был в сознании, но речь его была бессвязной – он то и дело бормотал что-то про лодыжки, кричал: «Отпусти!» и «Застрял в склепе». Явился доктор с саквояжем, задал несколько кратких вопросов, а затем раздел пациента и снял с него ботинки с носками. Увиденное немало озадачило старого врача и даже напугало – на обеих лодыжках в области ахилловых сухожилий были рваные раны. Он стал расспрашивать гробовщика с необычной для доктора настойчивостью, и руки его дрожали, когда он поспешно накладывал повязку, словно хотел как можно скорее избавиться от этого зрелища.

Для беспристрастного врача Дэвис имел слишком мрачный вид и чересчур торопился с осмотром; кроме того, он вытягивал из обессиленного Берча малейшие подробности его злоключений. В особенности его интересовало, был ли Берч абсолютно уверен в том, что за гроб стоял наверху, как он выбирал его, точно ли этот гроб принадлежал Фэннеру и как в темноте он смог отличить его от дрянного гроба злобного старикашки Сойера. Неужели прочный гроб Фэннера сломался с такой легкостью? Дэвис долгие годы был сельским врачом; разумеется, он был свидетелем кончины Фэннера и Сойера и присутствовал на их похоронах. Он помнил, что при погребении Сойера его мучил вопрос: как труп мстительного фермера мог поместиться в гроб, столь похожий на тот, что предназначался невысокому Фэннеру? Доктор Дэвис провел у постели Берча целых два часа и затем ушел, строго наказав тому говорить всем, что ноги он поранил о гвозди и обломки досок, добавив, что доказать противное, равно как и поверить в это, невозможно, и лучше бы ему вообще помалкивать и не обращаться к другим врачам. Впоследствии Берч исправно следовал совету доктора, пока на закате дней не поведал мне свою историю, и стоило мне увидеть старые, побелевшие рубцы, как я согласился с тем, что он поступал разумно. Он навсегда остался калекой, так как разорванные сухожилия плохо срослись; но я думаю, что его рассудок пострадал еще сильнее; некогда флегматичный, логический ум был изуродован, и печально было наблюдать, как он реагировал, услышав слова «пятница», «склеп», «гроб» наряду с менее прозрачными случайными ассоциациями. Его напуганная лошадь вернулась домой, чего нельзя было сказать о его рассудке, скованном страхом. Он переменял профессию, но всегда жил под гнетом прошлого. Быть может, виной тому были страх или запоздалое чувство раскаяния в прошлых проступках. Разумеется, его пристрастие к выпивке лишь усугубляло его положение.

Той ночью доктор Дэвис покинул Берча, прихватив фонарь, и направился в старый кладбищенский склеп. В свете луны виднелись разбросанные обломки кирпичей и поврежденный фасад; замок огромной двери легко открылся снаружи. В дни своей молодости он немало повидал в секционных и вошел внутрь, несмотря на тошнотворный запах; глазам его открылось омерзительное зрелище. Он вскрикнул и вслед за тем испустил вздох ужаса. Затем он опро-

метью кинулся назад в сторожку и, невзирая на клятву врача, принялся изо всех сил трясти несчастного гробовщика, шепча тому на ухо слова, что жгли слух Берча, словно яд:

– Берч, это был гроб Асафа, как я и думал! Я узнал его по зубам, на верхней челюсти не доставало двух резцов... во имя всего святого, никому не показывай свои раны! Тело почти разложилось, но сколько злобы было там, где прежде было его лицо! Ты же знаешь, как злопамятен был Асаф, и помнишь, как он свел в могилу старого Рэймонда спустя тридцать лет после того, как они повздорили из-за межи; как раздавил щенка, что таякал на него в августе прошлого года... Берч, это был сам дьявол во плоти, и месть его была сильнее, чем сама старуха Смерть! Боже, что за неистовая злоба! Как хорошо, что я не перешел ему дорогу!

Зачем ты так с ним поступил, Берч? Он был негодяем, и я не виню тебя в том, что ты сколотил для него такой плохой гроб, но в этот раз ты зашел слишком далеко! Да, пусть ты и сэкономил на материалах, но ты же прекрасно знал, какого роста коротышка Фэннер!

До самой смерти мне не забыть увиденного. Должно быть, ты здорово брыкался – гроб Асафа лежал на полу. Его голова была раздавлена и все тело разбито. Я много чего повидал, но это уж слишком. Око за око! Берч, видит Бог, ты получил по заслугам. Меня чуть не вывернуло при виде его головы, но омерзительней всего то, что ты отрезал ему стопы, чтобы труп влез в гроб Мэтта Фэннера!

1925

Холодный воздух

Вы хотите, чтобы я рассказал вам, почему боюсь сквозняков, почему сильнее других дрожу, войдя в холодную комнату, и питаю невыразимое отвращение к ползучей вечерней прохладе, что сменяет тепло погожего осеннего дня? Кто-то скажет, что на холод я реагирую так же, как иные – на дурной запах, и отрицать этого я не собираюсь. Я лишь поведаю вам о самом ужасном случае из тех, что мне довелось пережить, и позволю самим судить о том, насколько убедительно это объясняет подобную странность моей натуры.

Ошибочно полагать, что ужас непременно должен быть связан с тьмой, тишиной и одиночеством. Я повстречался с ним при свете дня, среди шума большого города, в захудалых, кишаших постояльцами меблированных комнатах, в компании ничем не примечательной хозяйки и двух крепких мужчин. Весной 1923 года я получил невыносимо скучную и скудно оплачиваемую работу в нью-йоркском журнале; денег на съём жилья было в обрез, и я скитался по дешевым гостиницам в поисках сносно обставленной комнаты подобающей чистоты по наиболее разумной цене. Вскоре выяснилось, что все предложения были в разной степени ущербны, но спустя какое-то время я наткнулся на дом на Западной Четырнадцатой улице, внушавший мне куда меньшее отвращение, нежели те, где я успел побывать.

То было четырехэтажное здание, построенное из песчаника в конце сороковых, отделанное деревом и мрамором, еще носившее следы былого величия и запятнанной роскоши. В воздухе просторных комнат с высокими потолками, невыносимыми обоями и вычурными лепными карнизами на стенах витала гнетущая затхлость с нотками кухонного дыма, но полы были чистыми, белье менялось достаточно часто, горячая вода была вполне горячей, отключали ее редко, и я заключил, что по меньшей мере это место подойдет, чтобы переждать, пока дела мои не наладятся. Хозяйка, неряшливая щетинистая испанка Херреро, не докучала мне сплетнями или жалобами на свет, горевший за полночь в моей комнате, выходявшей в холл третьего этажа. Мои соседи были преимущественно малограмотными, неотесанными испанцами, тихими и необщительными, чему оставалось лишь радоваться. Меня раздражал только шум машин, доносившийся с оживленной улицы.

Первое из череды странных происшествий случилось через три недели после моего заселения. Как-то вечером, часов в семь, я услышал, как что-то капает, и осознал, что уже некоторое время ощущаю едкий запах аммиака. Осмотрев потолок, я увидел, что тот совершенно мокрый; капало из угла, прилегающего к стене фасада. Желая как можно скорее разобраться с этим, я кинулся в подвал, чтобы предупредить о случившемся хозяйку – та заверила меня, что все будет улажено в кратчайший срок. «Доктор Муньос, – кричала она мне, в спешке поднимаясь по лестнице, – пролил свои химикалии. Сам он болезный, совсем не как доктор – все болезнее и болезнее, но ни от кого помощь не принимал. Странная эта его болезнь – каждый день лежит в ванне, где дурацки пахнет, волноваться ему нельзя, тепло ему нельзя. По дому сам все делал, комната маленькая, но битком бутылки, машины, и больше не работает доктор. Раньше давно был знаменитый, мой отец в Барселона про нем слышал, и недавно слесарь рука повредил, тот руку лечил. Никогда не выходит, только на крыша, и мой мальчик Эстебан носит ему еда, белье, лекарства и химикалии. Бог мой, сколько он аммиак перевел, чтобы остынуть!»

Миссис Херреро скрылась в лестничном пролете четвертого этажа, а я вернулся к себе. Аммиак перестал сочиться с потолка, и, вытерев лужицу, я открыл окно, чтобы проветрить комнату, слушая, как тяжело шагает над головой хозяйка. Я не помню, чтобы доктор Муньос шумел – шаги его были тихими, мягкими; изредка слышно было, что работал некий питаемый топливом аппарат. На миг я задумался о том, что за странная болезнь поразила его и не являлось ли его упорное нежелание принять помощь извне следствием беспричинного чудаче-

ства. Каким печальным казалось мне, что некогда великий человек теперь влачит столь жалкое существование!

Возможно, я никогда бы не познакомился с доктором Муньосом, если бы не сердечный приступ, заставший меня врасплох как-то днем, когда я работал у себя в комнате. Врачи предупреждали меня об опасных последствиях, и я помнил, что медлить нельзя; вспомнив рассказ хозяйки о том, как больной доктор помог слесарю, я потащился наверх и, собравшись с силами, постучал в его дверь. Откуда-то справа на мой стук ответил странный голос: на прекрасном английском меня спрашивали, кто я такой и какова цель моего визита. Представившись и объяснив, что мне нужно, я увидел, как открылась дверь по соседству с той, у которой я стоял.

Меня обдало облаком холодного воздуха, и, невзирая на то что был конец июня и стояла изнуряющая жара, я задрожал, ступив на порог внушительной квартиры, богатое, изысканное убранство которой разительно отличалось от убогой, грязной обстановки, царившей в доме. Складная кушетка теперь играла обыденную роль дивана, а мебель из красного дерева, пышные портьеры, старинные картины и полки, ломившиеся от книг, напоминали не комнату в пансионе, но кабинет джентльмена. Я увидел, что комната, служившая холлом и располагавшаяся надо мной, всего лишь служила доктору лабораторией, а жил он в просторном помещении по соседству, где ванная и удобные ниши в стенах позволяли разместить шкафы и прочие предметы домашнего обихода так, чтобы те не мешались. Вне всяких сомнений, доктор Муньос был человеком прекрасно воспитанным, с отличным образованием и вкусом.

Стоявший передо мной не отличался высоким ростом, но был великолепно сложен и одет в прекрасно пошитый и подогнанный костюм. Благородное лицо, обрамленное пышной седой бородой, носило печать покровительственности, однако не было чопорным; выразительные черные глаза скрывались за старомодным пенсне, восседавшем на орлином носу, придающем мавританский оттенок кельтиберским чертам его лица. Густые, прихотливо уложенные на пробор волосы над высоким лбом служили доказательством регулярных визитов парикмахера, и весь его облик говорил о незаурядном интеллекте, чистоте крови и высокородстве. Тем не менее, окинув взглядом доктора Муньоса, стоявшего в облаке пара, я почувствовал необъяснимое отвращение. Физической основой этого чувства могли служить мертвенная бледность его лица и холод протянутой руки, но даже им могло служить объяснением прискорбное состояние его здоровья. Быть может, меня оттолкнул исходивший от него холод, немыслимый в столь жаркий день, а, как известно, все ненормальное порождает неприятие, недоверие и страх.

Но скоро отвращение сменилось восторгом, так как я сразу понял, что передо мной профессионал, несмотря на то что его ледяные, бескровные руки дрожали. Ему хватило лишь одного взгляда, чтобы понять, в чем причина моего недуга, осмотр он проводил мастерски, мелодичным, но глухим, нетвердым голосом повествуя о том, что он – заклятый враг смерти, лишившийся всех друзей, и ставил бесчисленные невероятные опыты, посвятив всю свою жизнь ее искоренению. Было в нем что-то от добродетельного фанатика, и он не умолкал ни на миг, проводя аускультацию, а затем отмеряя нужную дозу лекарства в своей лаборатории. Очевидно, общество благовоспитанного постояльца в этом захудалом месте было для него диковинкой, и он был словоохотлив вопреки обыкновению, вспоминая о делах давно минувших дней.

Его необычный голос действовал на меня успокаивающе, речь была плавной, вежливой; я даже не замечал, дышит ли он. Пытаясь отвлечь меня от боли в груди, он рассказывал мне о своих теориях и экспериментах; помню, как он деликатно убеждал меня в том, что воля и разум сильнее, чем слабое сердце и слабая плоть, и, если тщательно сохранить телесную оболочку, наука способна преодолеть самые грозные болезни и увечья даже при отсутствии определенных органов, усиливая и поддерживая деятельность нервной системы. Полушутя, он похвалился, что когда-нибудь может научить меня, как обходиться без сердца, при этом продолжая сознательное существование! Сам он страдал от осложнений множества заболеваний

и был вынужден неукоснительно выполнять некоторые предписания, в числе которых было постоянное пребывание в холоде. Любое длительное повышение температуры могло его погубить, в его жилище она не поднималась выше 55–56 градусов¹ Фаренгейта, поддерживаемая при помощи аммиачной системы охлаждения абсорбционного типа – у себя внизу я часто слышал, как работает ее бензиновый нагнетатель.

Я покидал холодную обитель этого талантливого отшельника с чувством глубокой признательности и преданности в сердце, столь быстро избавленном от боли благодаря его умениям. Впоследствии я часто наносил ему визиты, одевшись потеплее; слушал его рассказы о крамольных опытах с ужасающими результатами, испытывая легкую дрожь, когда листал страницы редких, необычайно древних фолиантов, что стояли на полках. Следует добавить, что со временем ему удалось почти полностью исцелить меня от мучивших меня болей. По всей видимости, он не пренебрегал оккультным знанием Средневековья, считая, что в тех таинственных формулах содержались уникальные психические стимулы, что в теории оказывали своеобразное воздействие на нервную систему, управлявшую органикой. Меня тронула его история о старом докторе Торресе из Валенсии, принимавшем участие в экспериментальной работе Муньоса и вылечившем его от тяжелой болезни восемнадцать лет назад, с последствиями которой он боролся до сих пор. Незадолго после того, как этот достойный врач спас от смерти своего коллегу, он сам уступил в схватке с этим неумолимым врагом. Возможно, он потратил слишком много сил – доктор Муньос шепотом намекнул, что методика пожилого доктора была экстраординарной, включая манипуляции и обряды, которые старые, консервативные последователи Галена сочли бы кощунственными.

Так шли недели, и я с сожалением стал замечать, что мой новый друг, без сомнений, хоть и медленно, но сдавался под напором своих недугов, как предположила миссис Херреро. Все бледнее становилась его кожа, все тише и невнятнее звучал его голос, в движениях рук уже не было прежней ловкости, а воля и рассудок слабели. Разумеется, он и сам понимал, сколь печальны эти перемены, и теперь на его лице и в его словах лежала печать жуткой иронии, вновь пробудившая во мне толику бывшего отвращения.

Его поведение становилось все более причудливым – он пристрастился к экзотическим пряностям и египетским благовониям, благодаря которым его комната пахла, будто усыпальница фараона в Долине царей. Вместе с тем возросли его потребности в охлаждении воздуха – с моей помощью он доработал аммиачную систему, модифицировав ее нагнетатель и подающее устройство, сумев достичь сперва 34² или 40³ градусов Фаренгейта, а затем и вовсе снизить температуру воздуха до 28⁴ градусов. В ванной и лаборатории воздух был не столь холодным, чтобы не замерзала вода и не было помех химическим опытам. Его сосед жаловался на сквозняки, и мне пришлось помочь доктору завесить смежную дверь тяжелыми портьерами. Постепенно им овладевал все возрастающий патологический страх. Он постоянно говорил о смерти, но лишь глухо смеялся, едва я деликатно упоминал о похоронах и ритуальных услугах.

В целом его общество теперь пугало и обескураживало меня, но я был настолько признателен ему за оказанную помощь, что не мог оставить его на попечение чужаков. Каждый день, закутавшись в специально купленное теплое пальто, я убирался в его комнату и помогал по хозяйству. Кроме того, я ходил за покупками, с изумлением и растерянностью читая названия химикатов, заказанных доктором в аптеках и на складах.

В его жилище царила необъяснимая гнетущая атмосфера. Как я уже упоминал, во всем доме воздух был затхлым, но запах в его комнате был куда хуже, несмотря на все пряности и

¹ 12,7—13,3 °C.

² 1 °C.

³ 4,4 °C.

⁴ – 2,2 °C.

благовоения наряду с нескончаемыми ваннами, принимая которые он наотрез отказывался от помощи. Я полагал, что все это связано с его болезнью, и дрожь пробирала меня при мысли о том, какие страдания она ему причиняет. Глядя на него, миссис Херреро крестилась и без колебаний сложила с себя все полномочия по уходу за ним в мою пользу, запретив своему сыну Эстебану приближаться к больному. Когда я предложил обратиться к другому врачу, страдальца охватил гнев, сдерживаемый лишь его плачевным состоянием. Очевидно, он боялся разрушительного эффекта, оказываемого избытком эмоций, но его воля и сила, что двигали им, только крепили, и он наотрез отказался соблюдать постельный режим. Упадок сил в разгар болезни уступил яркой непримиримости, с которой он бросал вызов дьявольской смерти, уже державшей его в своих когтях. Он полностью перестал принимать пищу, хотя и раньше относился к этому как к ненужной формальности, и лишь могучий интеллект теперь удерживал его на пороге бездны. В его привычки вошло составление длинных посланий, которые он тщательно запечатывал с требованием передать означенным лицам после его смерти. Большой частью они были адресованы жителям Ост-Индии, но среди них было имя некогда известного французского врача, ныне покойного, о котором при жизни ходили самые невероятные слухи. Когда пришло время, я сжег все эти письма, не распечатывая конвертов и не читая их. Весь облик доктора и его голос были в высшей степени пугающими, и я едва мог находиться с ним рядом. В сентябре у электрика, явившегося, чтобы починить настольную лампу, случился припадок, стоило ему увидеть доктора. Тот, однако, выписал необходимые лекарства, избегая снова попадаться ему на глаза. Удивительно, но даже все ужасы Первой мировой не поколебали рассудок мастера так, как то, что он увидел в тот день.

В середине октября я стал невольным свидетелем кошмара, затмившего все виденное мной ранее. Однажды ночью, около одиннадцати вышел из строя нагнетатель системы охлаждения, и спустя три часа вся холодильная установка окончательно перестала действовать. Меня разбудил доктор Муньос, топавший по полу, и я безуспешно пытался все починить, пока он сыпал проклятиями своим как никогда безжизненным, охрипшим голосом. Знаний моих, однако, не хватило для починки аппарата; когда же я привел механика из круглосуточной мастерской по соседству, выяснилось, что сделать ничего нельзя, разве что утром, когда можно будет заказать новый поршень. Гнев и ужас, охватившие угасающего отшельника, до невероятной степени исказили его поблекшие черты; он судорожно закрыл глаза ладонями, бросившись в ванную. Выбрался он оттуда на ощупь, на лице его была повязка, и я больше никогда не видел его глаз.

Температура в помещении существенно повысилась, и около пяти утра доктор закрылся в ванной, приказав мне достать столько льда из аптек и столовых, сколько возможно. Возвращаясь назад после своих не всегда удачных вылазок и выкладывая добычу у двери ванной, я слышал плеск воды и громкий, хриплый стон: «Еще! Еще!» Наступило утро, и лавки открывались одна за другой. Я спросил Эстебана, не сможет ли он помочь мне со льдом, пока я заказываю поршень, или сбегать за поршнем, пока я ношу лед, но тот, помня увещевания матери, отказал мне в помощи.

Наконец на углу Восьмой авеню мне удалось нанять оборванного попрошайку, чтобы тот носил лед из лавки неподалеку, полностью посвятив себя поискам поршня и человека, способного его заменить. Задача казалась невыполнимой и приводила меня в ярость, подобно доктору, когда я видел, как неумолимо течет время, потраченное на тщетные телефонные разговоры, беготню и поездки на подземке и трамваях. Был уже почти полдень, когда в центре города я все-таки нашел искомое и в половине второго вернулся в пансион со всем необходимым, сопровождаемый двумя молодцеватыми, дельными слесарями. Я сделал все, что мог, надеясь, что еще не слишком поздно.

Но беспросветный ужас опередил меня. Дом был объят паникой, и в хоре дрожащих голосов я различил густой бас, читавший молитву. В воздухе витало нечто омерзительное, и

жильцы, перебирая четки, наперебой говорили о запахе, доносившемся из-за запертой двери в комнату доктора. Оказалось, что нанятый мной попрошайка сбежал, дико крича и вращая безумными глазами, сразу после того, как принес вторую порцию льда – возможно, его сгубило излишнее любопытство. Конечно, он не закрыл за собой дверь, и все же сейчас она не подавалась – вероятно, ее закрыли изнутри. Из комнаты доктора не доносилось ни звука, но там, внутри, что-то медленно, тяжело капало.

Перебросившись парой слов с миссис Херреро и механиками и невзирая на терзавший мою душу страх, я предложил выломать дверь, но хозяйка сумела открыть замок при помощи проволоки. Перед этим мы открыли все двери и окна на этаже. Зажав носы платками, мы опасно вошли в эту комнату в южном крыле, согретую лучами осеннего солнца.

От ванной в сторону входной двери и к столу, растекаясь омерзительной лужей, тянулась полоса темной слизи. На перемазанном чем-то липким клочке бумаги были едва различимы слова, словно написанные рукой слепца, в спешке сжимавшей карандаш. След обрывался на кушетке, где покоилось нечто неопишное.

Я не осмелюсь, не стану говорить о том, что лежало там, на кушетке, но приведу здесь те слова, что мне удалось разобрать на заляпанном слизью клочке бумаги перед тем, как я сжег его дотла. Хозяйка и мастеровые стремглав бежали прочь из этого адского места, чтобы дать сбивчивые показания в ближайшем полицейском участке. Каракули, нацарапанные неверной рукой, казались мне невозможными, когда я читал их при свете дня, под шум грузовиков и машин, доносившийся с оживленной Четырнадцатой улицы, но признаюсь, что в тот миг я верил каждому слову. Честно признаться, не знаю, верю ли я в то, что прочел, сейчас. Есть вещи, о которых лучше не думать; я лишь сочту нужным добавить, что с той поры ненавижу запах аммиака и члены мои слабеют, едва ощутив дуновение холодного воздуха.

«Конец близок, – гласила эта тошнотворная записка. – Лед кончается – носильщик заглянул в ванную и исчез, объятый ужасом. Воздух все теплее с каждой минутой, и ткани распадаются. Полагаю, вы помните мои слова о силе воли, нервной системе и сохранении тела после того, как органы перестают функционировать. В теории все звучало хорошо, но так не могло продолжаться вечно. Я не сумел предвидеть постоянство разложения. Доктор Торрес знал об этом, но столь шокирующее открытие сгубило его. Он не выдержал того, что сотворил со мной там, во тьме, когда вернул меня к жизни после того, как получил мое письмо. Мои органы оставались нежизнеспособными. Пришлось прибегнуть к моему методу продления жизни. Видите ли, тогда, восемнадцать лет назад, я покинул мир живых».

1926

Лунная топь

Не знаю, в каких далеких, зловещих краях теперь Денис Барри. В его последнюю ночь в мире живых я был с ним рядом; я слышал, как он кричал, когда тварь явилась за ним, но ни крестьяне, ни полиция графства Мит, ни кто-либо еще так и не нашли его, хоть поиски их были долгими и тщательными. Теперь я дрожу, заслышав, как поют лягушки на болотах, или когда вижу луну в безлюдных местах.

Я крепко подружился с Денисом еще в Америке, где он сделал состояние, и поздравил с приобретением старого замка на болоте в сонной деревушке Килдерри. Его отец был родом из Килдерри, и он пожелал вкушать плоды своих богатств на земле предков. В нем текла кровь тех людей, что когда-то владели той землей, возвели там замок и жили в нем, но дни эти давно минули, и долгие годы замок пребывал в запустении, понемногу разрушаясь. После переезда в Ирландию Барри часто писал мне, рассказывая о том, как под его надзором башни из серого камня, одна за одной, вновь обретали прежнее величие, как зазмеился по отстроеным стенам плющ, что увивал их сотни лет назад, и как крестьяне благодарили его за то, что с помощью своих заморских богатств он вернул им старые славные времена. Но с течением времени у него начались неприятности, и вслед ему стали сыпаться проклятия селян, бежавших от него, как от чумы. Тогда я получил от него письмо, в котором он просил меня навестить его, так как ему было одиноко в замке, где не с кем было поговорить, кроме новых слуг и рабочих, нанятых им с севера.

Вечером, в день моего приезда в замок, Барри сообщил мне, что источником всех его бед стало болото. В Килдерри я прибыл на закате летнего дня – небесным золотом отливала зелень рош, холмов и синева топей, где вдалеке, на островке, призрачно мерцали древние причудливые руины. Закат был необыкновенно прекрасным, но жители Баллилау не разделяли моего восторга, говоря о проклятии, павшем на Килдерри, и я почти что содрогнулся, увидев башни замка, одетые золотым огнем. Барри прислал за мной автомобиль на станцию Баллилау, так как его деревня лежала вдали от железной дороги. Местные держались поодаль от машины и водителя с севера, но, поговорив со мной, побледнев, перешли на шепот, едва узнали, что я направляюсь в Килдерри. И в тот вечер, после нашей встречи, Барри рассказал мне почему.

Крестьяне покинули Килдерри, так как Денис Барри захотел осушить огромное болото. Как бы он ни любил Ирландию, пребывание в Америке не прошло для него бесследно, и он не мог спокойно смотреть на то, как пропадает отличный участок земли, где можно было бы добывать торф, обнажив плодородную почву. Предания и поверья Килдерри его не трогали, и его смешили крестьяне, что сперва отказались ему помогать, затем, поняв, что от задуманного он не отступится, проклинали его и перебрались в Баллилау, собрав свои немногочисленные пожитки. Вместо них он нанял рабочих с севера, и, когда его покинули слуги, он поступил точно так же. Среди чужаков он томился одиночеством и потому пригласил меня в гости. Когда я услышал, что за страхи гнали прочь жителей Килдерри, я расхохотался, подобно моему другу – настолько смутными, дикими и абсурдными были они. Связаны они были с какой-то нелепой легендой о болотах и зловещем духе, обитавшем в древних развалинах на островке, что виделся мне на закате. Говорилось об огнях, пляшущих во мраке под луной; о ледяных ветрах среди теплой ночи; о парящих над водой духах в белом и вымышленном городе из камня в земных безднах под трясинной. Но среди странных преданий выделялось одно: все, как один, твердили о том, что проклятие падет на того, кто осмелится потревожить необъятную бурю топь или осушить ее. Крестьяне говорили, что есть тайны, которые не должны стать явью; тайны, что земля таит с тех пор, как чума настигла потомков Парфолана⁵ в незапамятном прошлом. В

⁵ Парфалон, или П а р ф о л а н – греческий герой кельтских мифов, около 3 тыс. лет до н. э. со своими родичами

«Книге Завоеваний»⁶ говорилось, что все эти сыны Греции погребены в Талла, но старики из Килдерри утверждали, что один из их городов остался нетронутым благодаря богине луны, покровительствовавшей его жителям, и он захоронен среди лесистых холмов с тех пор, как воины Немеда⁷ пришли из Скифии на тридцати кораблях.

Таковы были досужие толки, заставившие селян покинуть Килдерри, и, узнав о них, я не удивился тому, что Денис Барри не стал их слушать. Однако он весьма интересовался античностью и предложил тщательно исследовать местность после того, как болото осушат. Он часто бывал в белокаменных развалинах на острове, но, хотя возраст их был неизмеримо велик и вид имел мало общего с остальными руинами Ирландии, они были слишком ветхими, чтобы можно было судить о времени их расцвета. Осушение вот-вот должно было начаться, и руками рабочих-северян запретное болото вскоре должно было лишиться зеленых мхов, рыжего вереска, крохотных, устланных ракушками ручейков и тихих голубых заводей, окаймленных камышом.

После разговора с Барри меня стало клонить ко сну, так как меня порядком утомила дорога и мы засиделись до поздней ночи. Слуга проводил меня в предназначавшуюся мне комнату в удаленной башне, чьи окна были обращены на деревню, равнину на краю топей и сами болота; сквозь них я видел крыши безмолвных, покинутых крестьянами домов, где теперь жили выходцы с севера, старинный шпиль приходской церкви и вдаль, среди топей – остров с древними руинами из белого камня, мерцавшими призрачным светом. Едва я сомкнул глаза, как мне почудилось, что издали доносятся едва слышные звуки – неистовые, напоминавшие музыку, породившие во мне необычайное волнение и красочные сны. Проснувшись, я понял, что все это мне приснилось, так как видения эти потрясли меня куда больше, нежели безумные свирели, что звучали в ночи. Впечатлившись легендами, о которых говорил Барри, мой спящий разум блуждал по величественному городу в зеленой долине; в его мраморных улицах, статуях, виллах и храмах, покрытых резьбой и надписями, отмечались следы греческого великолепия. Я рассказал об этом Барри, и нас немало позабавил этот сон, но мой смех звучал громче, так как его беспокоило состояние рабочих. Уже в шестой раз они просыпались дольше положенного, ходили медленно, оцепенело, словно не спали всю ночь, хотя ложились рано.

Все утро и весь день я в одиночку бродил по золоченной солнцем деревне, перебрасываясь парой слов с кем-либо из бездействовавших рабочих, так как Барри вносил последние правки в планы работ по осушению. Работники, однако, были безрадостны – всех тревожил некий сон, но никто из них не мог вспомнить какой. Я рассказал им о том, что видел сам, но интерес вызвали лишь слова о странных звуках, услышанных мной. Бросая на меня загадочные взгляды, они говорили о том, что им тоже слышались эти звуки.

Вечером за ужином Барри объявил, что работы начнутся через два дня. Я был рад этому, хоть мне и жаль было мхов, зарослей вереска, крохотных ручейков и озер – во мне крепло желание разгадать древние тайны, что могли скрываться под залежами торфа. Во внезапно оборвавшемся тревожном сне, что я видел в ту ночь, пению свирелей среди мраморных колоннад настал конец; чума пришла в долину, где стоял город, и лесистые склоны обрушились, погребая мертвецов на улицах. Нетронутым остался лишь стоявший на высокой скале храм Артемиды, где лежало холодное, безмолвное тело старой жрицы луны Клеи, чью седую голову венчала корона из слоновой кости.

Повторю, что проснулся я резко, в великом страхе. Какое-то время я не мог понять, сплю я или нет, так как все еще слышал пронзительный визг флейт, но, увидев на полу лучи холодного лунного света и тень зарешеченного готического окна, я понял, что бодрствую и нахожусь в замке Килдерри. Часы где-то внизу пробили два, и я утвердился в своем мнении. И все же

основавший общину в Ирландии. (Здесь и далее прим. пер.)

⁶ Lebor Gabála Éirenn, «Книга Захвата Ирландии» – собрание повествований, излагающих историю ирландского народа.

⁷ Немед, или Н е й м х а д – предводитель поселенцев, прибывших в Ирландию через тридцать лет после гибели племени Парфалона.

вдалеке были слышны дикие, чудовищные звуки, напомнившие мне пляски фавнов на далеком Майналосе⁸. Заснуть было невозможно; раздраженно вскочив, я принялся мерить шагами комнату. По воле случая я подошел к северному окну, бросив взгляд на деревню и равнину на краю топей. Я не хотел разглядывать местность, желая уснуть, но свирели мучили меня, и в попытке занять себя хоть чем-нибудь я принялся всматриваться в даль. Разве мог я помыслить о том, что откроется мне?

В свете луны, заливавшем равнину, мне открылась картина, которой не смог бы позабыть никто из смертных. Под звуки тростниковых флейт, разносившихся над болотом, бесшумно и зловеще скользила толпа качающихся фигур, кружившихся в исступлении, подобно сицилийцам, что в былые дни под полной луной танцевали в честь Деметры на берегу Кианы⁹. Зрелище широкой равнины под золотистым лунным светом, пляска фантомных силуэтов и пронзительный, монотонный звук свирелей почти парализовали меня, и все же, объятый ужасом, я заметил, что половину неустанно, механически движущихся танцоров составляли рабочие, которые должны были спать, другую же – таинственные эфирные создания в белом, смутно различимые, напоминавшие бледных, печальных нимф, обитавших у истоков призрачных ручьев в трясине. Не знаю, как долго я смотрел на это действо из окна одинокой башни – вдруг я впал в бессонное забытие, пробудившись лишь с лучами высоко стоявшего утреннего солнца.

Моим первым порывом было поделиться своими страхами и наблюдениями с Денисом Барри, но, увидев свет, пробивавшийся сквозь решетку восточного окна, я решил, что все увиденное мной не имело ничего общего с реальностью. Я подвержен странным иллюзиям, но не настолько слаб, чтобы верить в них, и в этот раз довольствовался тем, что опросил вновь проспавших рабочих, ничего не помнивших о ночных событиях, кроме смутных, резких звуков, услышанных ими сквозь сон. Весьма встревоженный последним обстоятельством, я задался вопросом, не осенние ли сверчки до срока изводили нас в ночи. Позже, наблюдая за тем, как в библиотеке Барри углубился в планы работ, что должны были начаться на следующий день, я впервые ощутил страх, погнавший прочь крестьян. По неведомой причине меня пугала мысль о том, что покой топей с их темными тайнами будет нарушен, и мне виделись ужасные, мрачные картины в глубинах вековых торфяников. Раскрыть эти тайны было бы верхом неблагодарности, и я стал искать повод покинуть замок и деревню. Я как бы невзначай заговорил об этом с Барри, но не осмелился продолжать, едва заслышав его раскатистый хохот. И я умолк, а блистающее солнце катилось за далекие горы, озарив Килдерри красно-золотым сиянием, несущим дурную весть.

Было ли то, что случилось в ту ночь, иллюзией или правдой, я не узнаю никогда. В любом случае, это лежало вне пределов природы и вселенной; но я никак не могу найти разумного объяснения исчезновению, о которых стало известно в округе после тех событий. Я рано поднялся к себе; страх терзал меня, когда я безуспешно пытался уснуть в жуткой тишине, царившей в башне. Стояла кромешная тьма: несмотря на чистое небо, луна была на ущербе и должна была появиться лишь перед рассветом. Лежа в постели, я думал о Денисе Барри и о том, что случится с болотами, когда настанет день, и едва не поддался отчаянному порыву бежать в ночи, сесть в машину Барри и гнать ее до самого Баллилау, прочь от проклятой земли. Но до того как мой страх вынудил меня действовать, я забылся сном, и мне привиделась ужасная тень, павшая на город в долине – холодный, мертвый.

Быть может, меня разбудил пронзительный визг флейт, но, открыв глаза, я не сразу услышал его. Я лежал спиной к восточному окну, выходившему на болота, где нарождалась ущербная луна, и ждал, что ее свет падет на стену передо мной, но неожиданно увидел нечто иное. Да, стена действительно сияла, но то был не лунный свет. Богопротивные пронзительные крас-

⁸ Гора в Греции, любимая богом Паном.

⁹ Совр. река Чане на юге Сицилии.

новатые лучи струились сквозь стрельчатое окно, и вся комната озарилась неземным сиянием. Мои дальнейшие действия можно считать противоестественными, но только в сказках действия персонажей предсказуемы. Вместо того чтобы взглянуть в окно и отыскать источник свечения, я в панике отвел от него взгляд и в смятении пытался натянуть одежду, чтобы бежать. Помню, как схватился за револьвер и шляпу, но потерял их до того, как все кончилось, не выпустив ни одной пули и не надев убора. Спустя какое-то время сияние пленило меня настолько, что я преодолел свой страх, пополз к восточному окну и выглянул наружу под непрекращающееся пение обезумевших свирелей, чье завывание эхом отдавалось в замке и деревне.

Болота тонули в ослепительном мерзком багряном сиянии, струившемся из странных древних руин на острове вдали. Их вид был неопишем – должно быть, я сошел с ума, так как мне виделось нетронутое величественное здание с колоннами; мрамор его антаблемента пылал, вздымаясь в небо подобно куполу храма, стоявшего на вершине горы. Визжали флейты, раздался барабанный бой, и мне, сраженному ужасом, казалось, что я вижу причудливые черные грибовидные тени на фоне сияющего мрамора. Зрелище это было колоссальным, хоть и немыслимым, и я не смог бы оторваться от него, если бы слева от меня флейты не стали звучать громче. Дрожа от ужаса, причудливо мешавшегося с наслаждением, я пересек круглую комнату, дойдя до северного окна, откуда мог видеть деревню и равнину на краю топи. И вновь мои глаза распахнулись в диком изумлении, столь великом, словно мгновение назад я не был свидетелем действия, лежавшего за пределами природы: там, на жуткой равнине в красном свечении, двигалась процессия существ, подобных которым не видел никто, разве что в ночных кошмарах.

Облаченные в белое, духи болот наполовину скользили, наполовину плыли по воздуху, медленно приближаясь к спокойным водам и руинам на острове, меняя порядок самым невероятным образом, будто двигаясь в некоем древнем торжественном обрядовом танце. Движения их прозрачных рук подчинялись отвратительному визгу незримых свирелей, в жутком ритме маня за собой толпу неверно шагавших рабочих, что, подобно собакам, слепо и безрассудно шли им вослед, спотыкаясь, будто ведомые безыскусной, но неодолимой дьявольской волей. Не меняя направления, наяды приближались к трясине, и откуда-то снизу под моим окном через одну из дверей замка потянулась цепь тяжело бредущих людей – на ощупь проложив путь через двор и прилегающую часть деревни, отстающие присоединились к колонне ковыляющих рабочих на равнине. Несмотря на расстояние, я узнал в них слуг с севера, так как среди них мелькнула уродливая, неповоротливая фигура повара, чей нелепый вид лишь подчеркивал трагичность происходящего. Визжали ужасные флейты, и вновь развалины на острове отозвались боем барабанов. С безмолвным изяществом наяды достигли воды, одна за другой растворяясь в древней трясине; те же, кто следовал за ними, не останавливаясь, неуклюже проваливались в болото, оставляя за собой лишь водовороты омерзительных пузырей, едва различимых в багровом свете. Наконец, когда жирный повар, замыкавший цепь несчастных, последним погрузился в эти мрачные глубины, свирели и барабаны смолкли, и в тот же миг померкло слепящее багряное сияние, исходившее из руин, оставив опустевшую роковую деревню на милость тусклой нарождавшейся луны.

В душе моей царил неопишемый разгром. Я не знал, безумен ли я, или все же сохранил рассудок, сплю я или бодрствую – меня спасло лишь благостное оцепенение. По всей видимости, я поступил самым невероятным образом и возносил молитвы к Артемиде, Лете, Деметре, Персефоне и Аиду. Все, что я с юных лет знал об античности, рвалось с моих губ, так как чудовищность произошедшего пробудила во мне доселе дремавшие суеверия. Я чувствовал, что стал свидетелем гибели целой деревни, зная, что теперь со мной в замке лишь Денис Барри, чья самоуверенность обрекла всех на смерть. С этой мыслью меня сковали новые пароксизмы страха, и я рухнул на пол, но не потому, что упал в обморок, нет – от бессилия и беспомощности. Я ощутил дуновение ледяного ветра с востока, где в окне виднелась луна, и где-то внизу

в замке раздались дикие вопли. Вскоре они усилились, и в них слышалось нечто, не поддающееся описанию. Едва вспоминая их, я теряю сознание. Могу сказать лишь одно – тот голос когда-то принадлежал моему другу.

Должно быть, спустя какое-то время холодный ветер и крики вывели меня из оцепенения, так как я помню, как во мраке мчался сквозь залы и коридоры, затем через двор, навстречу страшной ночи. На заре меня нашли бесцельно слоняющимся близ Баллилау, но душевный покой я навсегда потерял не из-за ужасов, что я видел и слышал той ночью. Выйдя из тени, я беспрестанно бормотал о двух необычайных обстоятельствах, случившихся во время моего побега: пусть даже они незначительны, но воспоминания о них неотрывно преследуют меня, едва оказываясь один в болотистой местности или под луной.

Когда я бежал из проклятого замка вдоль края топей, моего слуха достиг новый звук: обыденный, но ранее не слышанный мною в Килдерри. Стоячие воды, где раньше не водилось ничего живого, теперь кишели ордами гигантских, покрытых слизью лягушек, пронзительно и безостановочно квакавших голосами, чей тон никак не вязался с их размерами. Раздуваясь, они отливали зеленью в лунном свете, и, кажется, глаза их смотрели на его источник. Я проследил за взглядом одной особенно уродливой и жирной лягушки и тогда увидел нечто, окончательно лишившее меня рассудка.

Глаза мои проследили за лучом тусклого, дрожащего, не отражавшегося в водах топей света, исходившего из странных древних развалин на островке и простиравшегося к ущербной луне. Там, наверху, на этой бледной тропе, мое воспаленное воображение представило тонкую, медленно извивающуюся тень; зыбкую, изломанную, словно влекомую незримыми демонами. Невзирая на безумие, владевшее мной, в этой ужасной тени я увидел чудовищное сходство – тошнотворную, немыслимую карикатуру – богомерзкий образ того, кто был Денисом Барри.

1921

Шепчущий из тьмы

I

Запомните накрепко: в последний момент никакого зримого ужаса я не увидел. И сказать, будто окончательный вывод я сделал в состоянии психологического шока – последней соломинки, заставившей меня среди ночи спешно покинуть уединенную ферму Эйкли и помчаться в его автомобиле по безлюдной дороге меж округлых холмов Вермонта, – значит игнорировать элементарные факты. Невзирая на все серьезные вещи, которые я увидел и услышал, невзирая на всю наглядность впечатления, произведенного на меня этими тварями, я даже теперь не могу в точности сказать, прав я был или нет, придя к ужасающему умозаключению. Ведь, в конце концов, исчезновение Эйкли ни о чем не говорит. В его доме не нашли ничего подозрительного, за исключением следов от пуль, продырявивших стены снаружи и внутри. Можно было подумать, что он просто вышел на прогулку по окрестным горам и не вернулся. Ничто не указывало на то, что в доме побывали некие гости, и в его кабинете не нашли тех жутких металлических цилиндров и машин. А в том, что высокие лесистые горы и бесконечный лабиринт журчащих ручьев, среди которых он родился и вырос, внушали ему смертельный ужас, тоже нет ничего необычного; ведь тысячи людей подвержены аналогичным болезненным страхам. Странное же поведение, как и обуревавшие его приступы страха, можно легко объяснить эксцентричностью натуры.

События, сыгравшие столь значительную роль в моей жизни, случились во время печально знаменитого Вермонтского наводнения 3 ноября 1927 года. Тогда – как и сейчас – я преподавал литературу в Мискатоникском университете в Аркхеме, штат Массачусетс, и изучал древние поверья Новой Англии. Вскоре после того небывалого в истории наводнения среди множества публикаций в прессе о разрушениях, бытовых тяготах населения и помощи пострадавшим появились и странные сообщения о существах, обнаруженных в речных запрудах; тогда многие мои знакомые пустились с азартом обсуждать эти новости и попросили меня пролить свет на сей предмет. Мне было лестно сознавать, что они столь серьезно относятся к моим штудиям местного фольклора, и я постарался разоблачить те дикие рассказы, которые, как мне представлялось, выросли на почве невежественных деревенских суеверий. Меня немало забавляло, как некоторые весьма образованные люди с полной серьезностью настаивали на том, будто циркулировавшие слухи основывались на фактах – пусть даже искаженных и неверно истолкованных.

Источником небылиц, привлечших мое внимание, были главным образом газетные публикации; впрочем, одну историю, или скорее сплетню, мой приятель узнал из письма матери, жившей в Хардвике, штат Вермонт. В нем описывалось примерно все то же самое, что и в прочих слухах, но речь шла о трех не связанных между собой находках – одна была обнаружена в Уинуски-ривер близ Монпелье, другая – в Вест-ривер в округе Уиндэм за Ньюфаном, а третья – в реке Пассампсик в округе Каледония выше Линдонвилля. Разумеется, разные источники упоминали о множестве находок, но по всему выходило, что они толкуют именно об этих трех. В каждом случае местные жители сообщали о замеченных в бурных водах, что низвергались с пустынных холмов, неких диковинных жутковатых объектах, причем молва связывала эти объекты с циклом тайных и очень древних преданий, о которых ныне помнили лишь немногие старики.

Людам чудилось, будто они видели фрагменты органических существ, не похожих ни на какие доселе им известные. Естественно, в те трагические дни разлившиеся реки выбра-

сывали на берег тела погибших при наводнении; но очевидцы, описывавшие странные фрагменты, уверяли, что это не были человеческие останки, хотя и походили на людей размерами и общими очертаниями. Вместе с тем утверждалось, что эти фрагменты явно не принадлежали ни одному из животных, что водятся в Вермонте. Они были розоватого цвета, длиной около пяти футов; по виду напоминали ракообразных и имели множество пар то ли спинных плавников, то ли перепончатых крыльев и несколько пар членистых конечностей, а иные напоминали спиралевидный эллипсоид, покрытый множеством крохотных щупальцев – там, где у обычных ракообразных находится голова. Что особенно удивляло – так это точность, с какой совпадали описания из разных источников. С другой стороны, чему тут удивляться? Ведь старинные легенды этого горного края изобиловали живописными подробностями, которые исподволь питали возбужденное воображение так называемых очевидцев и расцветчивали их рассказы. Мой же вывод заключался в том, что очевидцы – а они в каждом случае были наивными и простодушными обитателями провинциальной глуши – замечали в потоках вод изуродованные и вздутые трупы людей и домашних животных; но тем не менее, под влиянием полузабытых местных легенд, приписывали несчастным жертвам наводнения самые фантастические свойства.

Предания старины, туманные, невнятные и большей частью давно забытые нынешним поколением, были весьма необычны и явно отражали влияние еще более древних индейских сказаний. Все это мне было прекрасно известно (хотя никогда до той поры я не бывал в Вермонте) по редчайшей монографии Эли Давенпорта, где описаны устные народные предания, собранные до 1839 года среди долгожителей штата. Эти предания к тому же совпадали с рассказами, которые я лично слышал от стариков в горных селениях Нью-Гэмпшира. Если суммировать все эти рассказы, то в них речь шла о неведомой расе ужасных существ, обитавших в самых отдаленных горных районах – в глухих чащах, на вершинах высоких пиков и в уединенных долинах, где протекают ручьи, берущие начало из неведомых ключей. Этих тварей редко когда удавалось увидеть воочию, и свидетельства их существования передавались теми, кто некогда отважился зайти на самые дальние склоны гор или спуститься в глубокие горные ущелья, которых избегали даже волки.

На илистых берегах тамошних ручьев и на иссохших клочках земли они находили диковинные отпечатки лап и клешней, а также выложенные из камней таинственные круги с вытоптанной по диаметру травой, которые явно не были созданы природой. А на склонах гор обнаруживались диковинные пещеры неведомой глубины, заваленные – отнюдь не случайно! – гигантскими валунами, и множество следов, ведущих как внутрь пещер, так и прочь от них – если, конечно, направление следов было верно определено. Но хуже того, там были найдены предметы, на которые даже самым безрассудным следопытам редко когда удавалось наткнуться в сумеречных долинах и в непроходимых чащах мачтового леса, далеко за границами областей, обычно посещаемых путешественниками.

Все это вызывало бы куда меньшую тревогу, если бы отрывочные рассказы об этих предметах не были столь похожи. А так сложилось, что почти все местные байки сходились в ряде важных подробностей: очевидцы уверяли, будто эти существа напоминают гигантских алых крабов с множеством пар лап и с парой огромных крыльев, точно у летучей мыши, посередине спины. Иногда существа передвигались на всех конечностях, но иногда лишь на паре задних лап, используя остальные для переноски крупных предметов неясного назначения. Кто-то однажды наблюдал целую их стаю значительной численности, которая организовано передвигалась по обмелевшей речушке стройными колоннами по трое в ряд. Как-то этих тварей видели в полете – они взмыли с вершины одинокой голой скалы ночью и исчезли в вышине, шумно махая огромными крыльями и на миг заслонив яркий диск луны.

Похоже, горным чудовищам не было дела до людей, хотя их кознями объясняли загадочные исчезновения поселенцев – особенно тех, кто намеренно строил дома слишком близко к

печально известным долинам или слишком высоко на склонах печально известных гор. Многие места в тех краях считались нежелательными для поселения, причем даже и после того, как повод для этого общераспространенного опасения давно позабылся. На иные окрестные горы люди смотрели с содроганием, хотя никто уже и не помнил, сколько поселенцев пропало в горных лесах и сколько домов сгорело дотла у подножия этих угрюмых зеленых часовых.

Согласно самым ранним легендам, жуткие твари нападали лишь на тех, кто осмеливался нарушать пределы их владений, но вот более поздние поверья рассказывали о том, что они выказывали любопытство в отношении людей и даже высылали тайные отряды слежения за поселенцами. Известны также рассказы о странных отпечатках когтей, что находили по утрам на оконных рамах фермерских домов, а также об исчезновении людей вдали от всем известных опасных мест. И еще рассказывали о странных жужжащих голосах, явно копирующих человеческую речь, которые делали ужасающие предложения одиноким путникам на тропинках или проезжих дорогах в лесных чащах, и о детишках, насмерть перепуганных увиденным или услышанным в тех местах, где вековые леса вплотную подступали к их жилищам. И наконец, в преданиях совсем недавнего прошлого – когда все прежние суеверия уже стерлись из памяти и люди вовсе перестали посещать те заповедные места – фигурируют ужасные истории об отшельниках и обитателях уединенных ферм, которые внезапно подвинулись рассудком и будто бы продали душу богомерзким тварям. А в одном из северо-восточных округов в самом начале XIX века возникло даже поветрие обвинять эксцентричных и нелюдимых затворников в том, что они-де заключили союз с отвратительными тварями или стали их посланцами в нашем мире.

Что же до самих тварей, то тут описания, понятное дело, разнились. Обыкновенно их называли «те самые» или «те древние», хотя в разных местах бытовали и другие термины, но они не смогли закрепиться надолго. Возможно, многие поселенцы-пуритане считали их порождением дьявола и на этом основании пускались истово строить теологические спекуляции. Те же, в чьих жилах текла кельтская кровь – а таковыми были нью-гэмпширские потомки шотландцев и ирландцев и их сородичи, прибывшие в Вермонт осваивать дарованные губернатором Уэнтвортом земли, – связывали этих тварей со злыми духами или болотным «малым народцем» и оберегали себя от их козней заговорами, передававшимися из поколения в поколение. Но самые фантастические домыслы на их счет распространяли местные индейцы. При всем различии древних сказаний у разных индейских племен они совпадали в некоторых важнейших деталях. Так, существовало единодушное мнение, что эти твари – порождение не земного мира. В изобилующих живописными подробностями мифах пеннакуков рассказывается, что Крылатые прилетели с неба, с Большой Медведицы, и вырыли в земных горах глубокие шахты, где они добывают особые минералы, которых не найти нигде в других мирах. Они вовсе не поселились на Земле, говорят нам мифы, а просто выставили тут временные форпосты и регулярно летают к своим звездам в северной части неба с грузом добытых минералов. И уничтожают они лишь тех земных жителей, которые подбираются к ним чересчур близко или пытаются их выследить. Дикие звери сторонятся их из природного инстинкта, а не потому, что твари на них охотятся. Питаться земными растениями и животными Пришлые не могут, поэтому они принесли с собой свою пищу с далеких звезд. Подходить к их колониям опасно – вот почему молодые охотники, забредавшие в облюбованные тварями горы, пропадали навсегда. Столь же опасно вслушиваться в их ночное перешептывание в лесах, когда они жужжат точно пчелы, пытаясь подражать человеческой речи. Им ведом язык всех людей – пеннакуков, гуронов, пяти ирокезских племен, – но у них самих, похоже, нет своего языка, да они в нем и не нуждаются. Они переговариваются, меняя цвет головы, что и служит им для передачи осмысленных сообщений.

Разумеется, все легенды и предания, как индейские, так и белых поселенцев, в течение девятнадцатого века почти полностью забылись, лишь местами сохраняясь в форме древних

суеверий. После того как жители Вермонта прочно обосновались на земле и начали строить дороги и поселения по четкому плану, они все реже вспоминали о старинных страхах и запретах, в угоду которым эти планы составлялись. Большинство фермеров просто знали, что такие-то горные районы издавна считаются опасными, невыгодными для освоения или непригодными для проживания, и чем дальше от них держаться, тем лучше. Со временем вошедшие в привычку обычаи и соображения экономической выгоды столь глубоко укоренились, что поселенцам более не было смысла выходить за границы своих мест обитания, а запретные горы так и остались необитаемыми – скорее волею случая, нежели по умыслу. И за исключением нечастых вспышек панических страхов в тех местах, лишь суеверные старухи да девяностолетние деды, вспоминая свою юность, судачили о тварях, обитающих в дальних горах; но даже пересказывая шепотом древние предания, рассказчики соглашались, что теперь нечего бояться тварей, ведь они давно смирились с присутствием ферм и поселков, коли люди раз и навсегда оставили их в покое, не посягая на выбранные ими для обитания места.

Все это мне давно было известно из книг и устных преданий, собранных мною в Нью-Гэмпшире; вот почему, когда после наводнения появились все эти нелепые слухи, я легко догадался, на какой благодатной почве они возникли. Мне стоило немалых усилий объяснить все это моим друзьям, и меня соответственно позабавило, когда некоторые особенно задиристые спорщики продолжали настаивать, будто во всех этих нелепых сообщениях содержится изрядная доля истины. Эти упрямыцы указывали на то, что все древние предания объединяет сходство общей канвы событий и деталей и что было бы крайне глупо безапелляционно судить о таинственных обитателях малоизученной вермонтской глухомани. Их сомнения не могли развеять даже мои заверения, что все мифы повторяют хорошо известную, общую для всего человечества сюжетную структуру и что они возникли на ранних стадиях творческой деятельности человека и отражают одинаковые заблуждения.

Было бесполезно доказывать таким оппонентам, что в сущности вермонтские мифы мало чем отличаются от универсальных легенд о персонификации природных явлений, благодаря которым Древний мир населяли фавны, дриады и сатиры, а уже в современной Греции возникли легенды о калликанзарах, а в древнем Уэльсе и Ирландии – предания о троглодитах и землероях, жутких существах, обитающих глубоко под землей. И было бесполезно ссылаться на удивительно схожую веру народов горного Непала в ужасного Ми-го или «мерзких снежных людей», что бродят по ледникам Гималайских хребтов. Когда я сослался на эти факты, мои оппоненты обратили их против меня, увидев в них намек на историческую достоверность старинных преданий и лишний аргумент в пользу реального существования диковинной расы древних обитателей Земли, вынужденных прятаться от господствующего на планете *homo sapiens* и, с большой долей вероятности, кое-где доживших до относительно недавних времен – а то и существующих по сей день.

И чем больше я поднимал на смех теории моих друзей, тем с большим упорством они настаивали на их истинности, добавляя, что даже без влияния древних мифов недавние сообщения слишком недвусмысленны, подробны и объективны, чтобы от них можно было просто отмахнуться. Два-три самых отъявленных фанатика сослались на древние индейские сказания, в которых говорилось о внеземном происхождении таинственных тварей, и цитировали экстравагантные писания Чарльза Форта, уверявшего, будто посланцы иных миров из глубин космоса частенько посещали нашу Землю в прошлом. Большинство же моих противников, однако, были всего лишь романтиками, упрямо пытавшимися пересадить на реальную почву фантастические вымыслы о таинственном «малом народце», которые популяризировал блистательный мастер литературы ужасов Артур Мейчен.

II

Естественным образом так получилось, что наши острые дебаты в конце концов были опубликованы в форме писем, направленных в редакцию «Аркхем эдвертайзер»; кое-какие из них были затем перепечатаны в газетах тех районов Вермонта, где и возникли фантастические рассказы в связи с недавним наводнением. «Ратлэнд геральд» посвятила половину полосы выдержкам из писем с обеих сторон, в то время как «Братлборо реформер» полностью перепечатало мой обширный историко-мифологический обзор, пронизательно снабдив публикацию глубокомысленным комментарием своего обозревателя, пишущего под псевдонимом Пендрифтер, который целиком и полностью поддержал и одобрил мои скептические выводы. К весне 1928 года я стал в Вермонте чуть ли не местной знаменитостью, притом что никогда не посещал этот штат. Вот тогда-то я и начал получать от Генри Эйкли письма с опровержениями моих взглядов, которые произвели на меня глубокое впечатление и вынудили в первый – и последний – раз в жизни посетить этот удивительный край безмолвных зеленых гор и говорливых лесных ручьев.

Многое из моих сведений о Генри Уэнтворте Эйкли было почерпнуто из переписки с его соседями и его единственным сыном, проживающим в Калифорнии, уже после моего посещения его уединенной фермы. Он был, как я выяснил, последним представителем старинного и уважаемого во всей округе семейства юристов, администраторов и землевладельцев. Однако именно на нем древний род резко уклонился от практических занятий в сторону чистой науки, и он многие годы посвятил изучению математики, астрономии, биологии, антропологии и фольклора в Вермонтском университете. До той поры я никогда не слышал его имени, и он не слишком щедро делился автобиографическими подробностями в письмах, но из них мне сразу стало ясно, что это человек большого ума и эрудиции, с сильным характером, давно уже живущий затворником и посему мало искушенный в обычных житейских делах.

Несмотря на всю фантастичность высказанных Эйкли идей, я с самого начала отнесся к нему куда более серьезно, чем к кому-либо из иных своих оппонентов. Во-первых, он, похоже, и впрямь сталкивался с конкретными явлениями – зримыми и осязаемыми, – о которых он высказывался в столь фантастической манере; а во-вторых, его отличало подкупающее стремление облекать свои умозаключения в форму предположений и гипотез, как и подобает истинному ученому мужу. Он не старался убедить меня в чем-либо и в своих выводах основывался исключительно на том, что считал неопровержимым свидетельством. Разумеется, первым моим побуждением было объявить его гипотезы ошибочными, но при всем том я не мог не отдать должное его уму и эрудиции. И я никогда не был склонен, в отличие от его знакомых, объяснять взгляды Эйкли, равно как и его безотчетный страх перед безлюдными лесистыми горами вокруг его фермы, безумием. Я убедился, сколь неординарной личностью был этот человек, и понимал, что излагаемые им факты, безусловно, порождены весьма странными и требующими изучения обстоятельствами, – пусть даже они и не вызваны теми фантастическими причинами, на которые он ссыался. Позднее я получил от него и вещественные доказательства, в свете которых все изложенное им сразу предстало в ином, пугающе-странном виде.

Я не могу придумать ничего лучше, нежели полностью пересказать, насколько это возможно, длинное письмо, в котором Эйкли поведал кое-что о своей жизни и которое сыграло поворотную роль в моей интеллектуальной биографии. Я более не располагаю этим письмом, но в моей памяти запечатлелось буквально каждое слово; и я вновь хочу подтвердить, что не сомневаюсь в душевном здоровье его автора. Вот это письмо – дошедший до меня текст, замечу, был написан несколько старомодными затейливыми каракулями, что вполне соответствовало образу ученого отшельника, почти не поддерживающего связей с внешним миром.

п/я № 2

д. Тауниенд, округ Уиндхэм, Вермонт.

5 мая 1928 года

Альберту Н. Уилмарту, эск.,

Солтонстолл-ст., 118,

Аркхэм, Масс.

Уважаемый сэр,

я с большим интересом прочитал в «Братлборо реформер» (от 23 апреля 1928 г.) перепечатку Вашего письма касательно недавних сообщений о странных телах, замеченных в наших реках во время наводнения прошлой осенью, и о любопытных народных преданиях, с которыми они столь детально совпадают. Легко понять, почему у чужака возникла высказанная Вами точка зрения и по какой причине м-р Пендрифтер с Вами согласился. Подобной позиции обыкновенно придерживаются образованные люди как в самом Вермонте, так и за его границами, таковой была и моя собственная позиция в юности (сейчас мне 57 лет), задолго до того, как научные изыскания общего характера и изучение книги Давенпорта заставили меня обратиться к исследованию некоторых здешних гор, куда никто не осмеливается заходить.

На эти исследования меня натолкнули странные древние сказания, которые я слышал от престарелых фермеров, не отличавшихся ученостью, но теперь я убежден, что было бы лучше, если бы я не брался за эти изыскания вовсе. Должен сказать, со всем должным смирением, что антропология и фольклор не чужды моим интересам. Я много занимался этими предметами в колледже и хорошо знаком с трудами признанных корифеев в данной области – таких, как Тайлор, Лаббок, Фрэзер, Катрфаж, Мюррей, Осборн, Кит, Буль, Дж. Эллиот Смит и т. д. Мне отнюдь не в новинку, что предания о скрывающихся расах стары как человечество. Я читал перепечатки Ваших писем, а также и тех, кто с Вами согласен, в «Ратлэнд геральд», и, пожалуй, понимаю, в чем суть Вашего диспута.

Пока же я спешу заявить, что Ваши противники, боюсь, скорее более правы, нежели Вы, хотя, как представляется, здравый смысл на Вашей стороне. Они даже более правы, нежели сами это осознают, – ибо, разумеется, они руководствуются лишь теорией и не могут знать того, что известно мне. Если бы мои познания в данном предмете были столь же ничтожны, я ни за что не поддержал бы их точку зрения. И был бы целиком на Вашей стороне.

Как видите, мне весьма непросто перейти к предмету моего письма, вероятно, потому, что меня страшит этот предмет, но дело в том, что я располагаю определенными свидетельствами о жутких лесных тварях, обитающих в горах, где никто не осмеливается ходить. Сам я не видел останки тварей, замеченных после наводнения, как о том писали в газетах, но я лично встречал подобных тварей при обстоятельствах, говорить о коих мне просто страшно. Я видел их следы, которые в последнее время стали появляться в непосредственной близости от моего дома (я живу на старой ферме Эйкли, южнее деревни Тауниенд, на склоне Темной горы). Несколько раз в лесу я слышал голоса, которые не осмелился бы даже вкратце описать.

В одном месте я слышал их настолько долго, что даже записал их с помощью фонографа и диктофона на восковый валик – постараюсь прислать Вам сделанную мной запись. Я воспроизвел эту запись на аппарате и дал ее послушать нашим старикам, и их буквально парализовал страх, когда они услышали один из голосов, очень похожий на тот, о котором в детстве им рассказывали бабушки и даже пытались имитировать (о таком же жуужжащем голосе в лесу упоминает Давенпорт). Я знаю, как большинство обывателей относится к человеку, который будто бы «слышал голоса», – но прежде чем сделать свой вывод, просто прослушайте мою запись и поинтересуйтесь у кого-нибудь из сельских стариков, что они об

этом думают. Если Вы сможете найти этому нормальное объяснение, очень хорошо; но за этим стоит нечто неведомое. Ибо, как Вы сами знаете: *Ex nihilo nihil fit*¹⁰.

Итак, цель моего письма не в том, чтобы затеять с Вами спор, но предоставить Вам информацию, которую, я полагаю, человек Вашего склада сочтет весьма и весьма интересной. Но это в приватном порядке. Публично же я на Вашей стороне, ибо, как свидетельствует ряд вещей, людям нет нужды знать слишком много об этом деле. Мои собственные исследования носят сугубо частный характер, и я бы не стал делать какие-либо заявления, могущие привлечь внимание широкой публики и побудить людей к посещению обследованных мною мест. Но правда – ужасная правда – в том, что за нами постоянно наблюдают существа внеземного происхождения, чьи шпионы из числа людей собирают о нас сведения. От одного несчастного человека, который являлся таким шпионом (так он сам утверждал, и я не вижу причин ему не верить), я почерпнул большую часть разгадки этой тайны. Потом он покончил с собой, но у меня есть основания полагать, что, помимо него, есть еще и другие.

Эти твари прибыли с другой планеты, они способны жить в межзвездном пространстве и перемещаться в эфире с помощью неуклюжих, но весьма мощных крыльев; ими довольно трудно управлять, вот почему эти крылья практически бесполезны для полетов в земной атмосфере. Я остановлюсь на этом подробнее чуть позже, если Вы не сочтете меня безумцем, недостойным Вашего внимания. Они прилетают к нам ради добычи металлов в глубоких горных шахтах, и, мне кажется, я знаю, откуда они родом. Они не причинят нам вреда, если мы оставим их в покое, но никто не может предсказать, что произойдет, если мы будем проявлять слишком большое любопытство. Разумеется, армия вооруженных людей могла бы стереть с лица земли их горную колонию. Вот этого они и опасаются. Но если так случится, из космоса сюда прилетят их бесчисленные полчища. Они с легкостью смогут завоевать Землю и до сих пор не пытались этого сделать только потому, что это им не нужно. Они скорее оставят все как есть – лишь бы не предпринимать лишних усилий.

Я думаю, они хотят избавиться от меня – из-за моих открытий. В лесу на Круглом холме, что к югу отсюда, я нашел большой черный камень, покрытый полустертыми загадочными иероглифами; и после того, как я принес его домой, все изменилось. Если твари сочтут, что я узнал о них слишком много, они меня либо убьют, либо утащат с Земли на свою планету. Они имеют обыкновение время от времени похищать кого-нибудь из наших ученых, чтобы оставаться в курсе событий человеческого мира.

Итак, я подошел ко второй цели моего обращения к Вам, а именно: побудить Вас приутишить разгоревшийся в прессе спор, а не раздувать его ради более широкой огласки. Местные жители должны держаться подальше от этих гор, и, чтобы отвести их, нам не следует возбуждать любопытство публики. Бог свидетель, местных жителей и так подстерегает масса иных опасностей, исходящих от предпринимателей и торговцев недвижимостью, наводнивших Вермонт, и от орд дачников, спешащих захватить свободные участки земли и застроить горные склоны дешевыми коттеджами.

Буду рад получить от Вас ответ и попытаюсь отправить Вам экспресс-почтой фонографический валик с записью и черный камень (надписи на нем настолько стерты, что никакая фотография их не передаст), если Вы соизволите проявить свой интерес. Я говорю «попытаюсь», ибо думаю, что эти мерзкие твари способны вмешиваться в ход событий. Есть тут у нас один тип по имени Браун, угрюмый и скрытный, он живет на ферме неподалеку от нашей деревни... Так вот, я полагаю, что он их шпион. Мало-помалу твари стараются пресечь все мои связи с внешним окружением, потому что я слишком много узнал об их мире.

Они ухитряются разными способами выведывать все, чем я занимаюсь. Это письмо, возможно, даже не попадет к Вам в руки. Думаю, если ситуация ухудшится, мне придется

¹⁰ Из ничего не возникает ничто (лат.).

покинуть родные места и переехать к сыну в Сан-Диего, в Калифорнию, хотя будет очень нелегко покинуть дом, где ты родился и вырос и где прожили шесть поколений твоего рода. К тому же едва ли я осмелюсь продать кому-нибудь дом именно теперь, когда эти твари взяли его на заметку. Вероятно, они попытаются завладеть этим черным камнем и уничтожить фонографическую запись, но я, если смогу, им в этом воспрепятствую. Мои большие сторожевые псы всегда отпугивают тварей, потому как в здешних краях они все еще малочисленны и боятся разгуливать в открытую. Как я уже сказал, их крылья не приспособлены для коротких полетов над землей. Я вплотную подошел к расшифровке иероглифов на камне и надеюсь, что Вы, с Вашими познаниями в области фольклора, поможете мне восполнить недостающие элементы. Полагаю, Вам многое известно о страшных мифах, предшествующих периоду возникновения человека, – в частности, о циклах Йог-Сотота и Ктулху, на которые есть ссылки в «Некрономиконе». Как-то я держал в руках эту книгу, и, как я слышал, у Вас в университетской библиотеке хранится под замком один ее экземпляр.

В заключение, мистер Уилмарт, хочу выразить убеждение, что с багажом наших знаний мы можем оказаться весьма полезными друг другу. Я вовсе не желаю, чтобы Вы каким-то образом пострадали, и должен Вас предупредить, что обладание камнем и записью представляет опасность; но я уверен, что Вы сочтете любой риск во имя знания оправданным. Я поеду в Ньюфан или Братлборо, чтобы отправить Вам все, что Вы сочтете желательным, так как тамошняя почтовая служба заслуживает больше доверия, чем наша. Должен заметить, что теперь я живу в совершенном одиночестве, ибо никто из местных не хочет наниматься ко мне на ферму. Они боятся тварей, которые по ночам подбираются близко к дому, заставляя моих псов беспрестанно лаять. Мне остается радоваться, что я не увлекся всеми этими вещами еще при жизни моей жены, ибо все это свело бы ее с ума.

С надеждой, что Вы не сочтете меня чересчур назойливым и захотите связаться со мной, а не выбросите это письмо в мусорную корзину, сочтя его бредом сумасшедшего, остаюсь

искренне Ваш,
Генри У. Эйкли.

Р. С. Я собираюсь сделать дополнительные отпечатки некоторых фотографий, которые, надеюсь, помогут проиллюстрировать ряд моих утверждений. Местные старики находят их отвратительными, но правдоподобными. Я их незамедлительно вышлю, если Вам интересно.

Г. У. Э.

Трудно описать чувства, охватившие меня при первом прочтении этого странного документа. По здравом размышлении подобные экстравагантные излияния должны были рассмешить меня куда сильнее, чем значительно более безобидные измышления простаков, ранее вызвавшие мое бурное веселье. Но что-то в тоне письма заставило меня отнестись к нему, как ни парадоксально, с исключительной серьезностью. Не то чтобы я хоть на секунду поверил в существование загадочных обитателей подземных шахт, прилетевших с далеких звезд, о чем рассуждал мой корреспондент; но, отбросив первые сомнения, я необъяснимым образом поверил в полное здравомыслие и искренность Эйкли, как и в его противостояние с неким реально существующим и весьма загадочным феноменом, который он не мог объяснить никак иначе, кроме как призвав на помощь свое буйное воображение. Все обстояло совсем не так, как ему казалось, размышлял я, но, с другой стороны, эта тайна требовала тщательного расследования. Несомненно, его сильно взволновало и встревожило нечто странное, и едва ли его волнение и тревога были беспричинны. Он был по-своему конкретен и логичен, и, что особенно любо-

пытно, его повесть четко укладывалась в сюжеты древних мифов, в том числе самых невероятных индейских преданий.

Вполне возможно, что он на самом деле слышал в горах пугающие голоса и на самом деле нашел черный камень, но из этого он делал совершенно безумные выводы, вероятно, по наущению человека, которого он счел шпионом космических пришельцев и который позднее покончил с собой. Легко предположить, что этот человек был не в своем уме, но, возможно, в его рассказах простодушный Эйкли обнаружил крупную очевидную, но извращенную логику, заставившей его – уже готового к подобным вещам благодаря многолетнему изучению фольклора – поверить в эти бредни. Что же до последних событий – а именно отказа местных жителей наниматься к нему на работы, – то, видимо, малодушные односельчане Эйкли были в не меньшей степени, чем он, уверены, что его дом по ночам подвергается нашествию жуткой нечисти. И что еще важно: собаки ведь лаяли!

И потом, упоминание про фонограф и записанные на нем голоса – у меня не было оснований не верить, что он сделал подобную запись в горах именно при тех самых обстоятельствах, о коих он мне поведал. Но что это было – то ли звериный вой, ошибочно принятый им за человеческую речь, то ли голос скрывающегося в лесу одичавшего человека? Размышления привели меня к черному камню, испещренному загадочными иероглифами, и я стал ломать голову над тем, что бы это значило. А потом задумался о фотоснимках, которые Эйкли обещал мне переслать и которые его соседи-старички сочли столь устрашающе правдоподобными...

Перечитывая его каракули, я проникался убеждением, что мои доверчивые оппоненты, возможно, имели для своего мнения куда больше оснований, чем мне ранее казалось. В конце концов, странные человекоподобные существа с признаками наследственного вырождения и впрямь могут обитать в безлюдных горах Вермонта, хотя они, конечно, не являются теми рожденными на далеких звездах монстрами, о которых толкуют народные поверья. А если эти твари и впрямь существуют, то тогда находки странных тел в разлившихся реках едва ли можно считать сплошной выдумкой. Не слишком ли самонадеянным было мое предположение, будто старинные сказания, как и недавние газетные сообщения, очень далеки от реальности? Но даже при возникших у меня сомнениях мне было стыдно сознавать, что пищей для них послужили причудливые фантазии экстравагантного Генри Эйкли.

В конце концов я ему написал, выбрав тон дружелюбной заинтересованности и попросив сообщить мне более подробные детали. Через пару дней пришел ответ. Как Эйкли и обещал, он сопроводил письмо несколькими фотоснимками сцен и предметов, иллюстрирующих его рассказ. Вытащив фотографии из конверта и взглянув на них, я испытал ужас от внезапной близости к запретному знанию; ибо, невзирая на размытость большинства снимков, они источали некую сатанинскую власть внушения, и власть эту лишь усиливал факт их несомненной подлинности – как оптического доказательства реальности запечатленных объектов и как результата объективной передачи странных изображений без предвзятости, искажения или фальши.

Чем дольше я рассматривал фотоснимки, тем более убеждался в том, что моя легковесная оценка личности Эйкли и его рассказа безосновательна. Безусловно, эти изображения служили неоспоримым свидетельством присутствия в горах Вермонта чего-то такого, что явно выходило за пределы наших знаний и верований. Самое жуткое впечатление производила фотография отпечатка лапы – снимок, сделанный в тот момент, когда солнечный луч упал на влажную землю где-то в пустынном высокогорье. Это не было дешевым надувательством – что было ясно с первого взгляда, ибо отчетливо видимые камушки и травинки служили четким ориентиром масштаба изображения и не оставляли возможности для трюка с фотомонтажом. Я назвал изображение отпечатком лапы, но правильнее было бы назвать это отпечатком клешни. Даже сейчас я вряд ли смогу описать его точнее, чем сказать, что след походил на отпечаток гигантской крабьей клешни, причем направление ее движения определить было невозможно. След был не слишком глубоким, не слишком свежим, а размером примерно соответствовал

ступне взрослого мужчины. По краям следа располагались отростки, похожие на зубья пилы, чье назначение меня озадачило: я не мог с уверенностью сказать, что этот орган служил для передвижения.

На другой фотографии – явно сделанной с большой выдержкой в густой тени – виднелся вход в лесную пещеру, закрытый огромным валуном. На пустой площадке перед пещерой можно было различить множество странных следов, и, рассмотрев изображение с лупой, я вздрогнул, поняв, что эти следы схожи с отпечатком лапы на первой фотографии. На третьем фотоснимке был запечатлен сложенный из камней круг, напоминающий ритуальные постройки друидов, на вершине поросшего лесом холма. Вокруг загадочного круга трава была сильно вытоптана, хотя никаких следов – даже с помощью лупы – я не обнаружил. О том, что это глухое место находится вдалеке от обжитых районов штата, можно было судить по бескрайним горным грядам на заднем плане, что тянулись далеко к горизонту и тонули в дымке. Но если изображение лапы-клешни вызвало в моей душе некую невнятную тревогу, то крупный черный камень, найденный в лесу на Круглом холме, наводил на определенные мысли. Эйкли сфотографировал камень, лежащий, по-видимому, на его рабочем столе в кабинете, ибо я заметил на заднем плане книжную полку и бюстик Мильтона. Камень, как можно было догадаться, располагался перед объективом вертикально, обратив к зрителю неровную выпуклую поверхность размером примерно один на два фута; но вряд ли в нашем языке найдутся слова для точного описания его поверхности или формы. Каким принципам внеземной геометрии подчинялась рука неведомого резчика – а у меня не было ни малейшего сомнения в искусственном происхождении этого каменного изваяния, – я даже отдаленно не мог предположить. Никогда раньше я не видел ничего подобного: этот диковинный камень, несомненно, имел внеземное происхождение. Мне удалось разобрать немногие из иероглифов на его поверхности, и, всмотревшись в них, я испытал настоящий шок. Конечно, эти письмена могли оказаться чьей-то безобидной шуткой, ведь кроме меня есть немало тех, кто знаком с богопротивными строками «Некрономикона», принадлежащими перу безумного араба Абдула Альхазреда; но тем не менее я невольно содрогнулся, узнав некоторые идеограммы, – насколько я знал из своих ученых занятий, они имели прямую связь с леденящими кровь кошунственными заклинаниями существ, пребывавших в безумном полусне-полубодрствовании задолго до возникновения Земли и иных далеких миров нашей Солнечной системы.

На трех из пяти остальных фотографий были запечатлены болота и леса со смутными приметами тайного обитания каких-то омерзительных тварей. Еще было изображение загадочной отметины на земле вблизи дома Эйкли, которую, по его словам, он сфотографировал на рассвете после той самой ночи, когда его псы разлаялись пуще обычного. След был очень нечетким, и по его виду невозможно было понять, что это такое, хотя он, пожалуй, принадлежал тому же отвратительному существу, что и отпечаток лапы-клешни, сфотографированный в безлюдном высокогорье. На последнем фотоснимке я увидел жилище Эйкли – фермерский дом белого цвета, в два этажа, с чердаком, выстроенный, верно, век с четвертью тому назад, с аккуратно подстриженной лужайкой и мощенной камнями дорожкой, которая вела к двери, покрытой изящной резьбой в георгианском стиле. На лужайке расположились несколько сторожевых псов, а на переднем плане стоял мужчина приятной наружности с коротко стриженной седой бородкой – по-видимому, Эйкли собственной персоной, сфотографировавший самого себя, о чем можно было судить по проводу, соединенному с лампой-вспышкой в его правой руке.

Разглядев фотографии, я обратился к объемистому, написанному убористым почерком письму и в следующие три часа погрузился в глубины несказанного ужаса. То, о чем в предыдущем послании Эйкли упомянул лишь вскользь, теперь излагалось во всех деталях. Он приводил обширные цитаты из речей, услышанных им ночью в лесу; он подробно описывал жутких розоватых существ, замеченных им в сумерках, а также поведал ужасающую повесть о кос-

мических пришельцах, которую он, пользуясь своими разнообразными учеными познаниями, сложил из обрывков бессвязных речей безумного шпиона-самозванца, позднее покончившего с собой. Я едва не запутался в обилии имен и терминов, слышанных мною когда-то давно в связи со зловещими преданиями: Юггот, Великий Ктулху, Цатогуа, Йог-Сотот, Р'льех, Ньярлатхотеп, Азатот, Хастур, Иан, Ленг, Озеро Хали, Бетмура, Желтый Знак, Л'мур-Катулос, Бран и *Magnum Innominandum*¹¹, – и перенесся сквозь безымянные эры и непостижимые измерения в миры древнейшего, потустороннего естества, о чьей природе безумный автор «Некрономикона» мог лишь строить догадки самого смутного свойства. Я узнал о бездонном колодце первобытной жизни, и о струящихся в этой бездне потоках, и, наконец, о вытекающем из одного такого потока крошечном ручейке, которому суждено было дать начало жизни на нашей Земле.

Мой мозг пришел в смятение – если раньше я пытался дать загадочным вещам разумное толкование, то теперь начал верить в самые противоестественные и неправдоподобные чудеса. Я получил массу важнейших свидетельств – многочисленных и ошеломляющих, и хладнокровный научный подход Эйкли – подход, далекий, насколько возможно, от какого бы то ни было безумного фантазирования, истерического фанатизма и экстравагантного философствования, – сильно повлиял на мои мысли и суждения. По прочтении этого жуткого письма я вполне осознал причины обуревавших его страхов и сам уже был готов сделать все, что в моих силах, лишь бы удержать людей от посещения тех пустынных и опасных гор. Даже сейчас, когда время несколько притупило остроту первых впечатлений и заставило меня усомниться в собственной правоте, породив ужасные подозрения, я сохраню в тайне некоторые вещи, о которых говорилось в письме Эйкли и которые я не осмелюсь ни назвать, ни попытаться описать словами. Я даже рад, что и письмо, и восковой валик с записью, и все фотографии пропали, и лишь сожалею, по причинам, о которых скажу далее, что новая планета за орбитой Нептуна все же была недавно открыта.

После прочтения письма Эйкли я перестал участвовать в публичном обсуждении вермонтского ужаса. Я оставлял аргументы моих оппонентов без ответа или давал невнятные обещания оспорить их в будущем, и постепенно наш спор угас. Весь конец мая и вплоть до 1 июня я переписывался с Эйкли; правда, время от времени наши письма терялись при пересылке, поэтому нам приходилось восстанавливать в памяти их содержание и пересказывать заново. В целом же мы сопоставили свои заметки, относящиеся к малоизвестным ученым трудам по мифологии, и попытались выявить более четкую связь между вермонтскими ужасами и общим корпусом сказаний первобытного мира. Во-первых, мы пришли практически к единодушному мнению, что эти твари и жуткие гималайские Ми-го принадлежат к одной и той же разновидности чудовищ. Мы также выдвинули ряд предположений об их зоологической природе, о чем я горел желанием рассказать профессору Декстеру в своем родном колледже, но Эйкли настрого запретил мне делиться с кем-либо нашими открытиями. И если сейчас я готов нарушить его запрет, так лишь по причине своей уверенности в том, что предупреждение об опасностях, таящихся в далеких вермонтских горах, – как и на тех гималайских пиках, которые отважные путешественники с таким азартом планируют покорить, – в большей степени способствуют общественной безопасности, нежели попытки сохранить это в тайне. Одним из важнейших наших совместных достижений обещала стать расшифровка иероглифов, выбитых на ужасном черном камне, – эта расшифровка, к которой мы приблизились, могла дать нам ключ к тайнам, самым значительным и захватывающим из всех, что ранее были ведомы человечеству.

¹¹ Великое Неименуемое (лат.).

III

В конце июня я получил фонографическую запись, отправленную экспрессом из Братлборо, поскольку Эйкли не был склонен доверять обычной почтовой службе округа. В последнее время он все отчетливее ощущал слежку за собой, и его опасения только усугубились после утраты нескольких наших писем; он сетовал на вероломство некоторых лиц, считая их агентами затаившихся в горном лесу тварей. Больше всего подозрений у него вызывал неприветливый фермер Уолтер Браун, который жил в одиночестве в обветшалой хижине на опушке густого леса и которого частенько замечали околачивающимся без видимой надобности то в Братлборо, то в Беллоус-Фоллс, то в Ньюфане или Саут-Лондондерри. Эйкли не сомневался, что Браун был одним из участников подслушанной им в ночном лесу жуткой беседы, и как-то раз он обнаружил возле дома Брауна отпечатки лапы или клешни, что счел весьма зловещим знаком, поскольку рядом заметил следы от башмаков самого Брауна, которые вели прямо к отпечатку мерзкого чудовища.

Итак, запись была отправлена мне из Братлборо, куда Эйкли добрался на своем «форде» по безлюдным вермонтским проселкам. В сопроводительной записке он признался, что лесные дороги внушают ему страх и теперь он ездит за покупками в Тауншенд исключительно при свете дня. Никому не стоит стараться узнать больше о вермонтском ужасе, снова и снова повторял Эйкли, ну разве лишь тем, кто живет на значительном удалении от этих загадочных необитаемых холмов. Он сам собирался вскоре переехать на постоянное жительство к сыну в Калифорнию, хотя и признавался, что ему будет тяжело покинуть дом, где многое напоминает о жизни нескольких поколений его семьи.

Прежде чем воспроизвести запись на аппарате, позаимствованном мною в административном здании колледжа, я внимательно перечитал разъяснения Эйкли. Эта запись, по его словам, была сделана около часа ночи 1 мая 1915 года близ заваленного камнем входа в пещеру на лесистом западном склоне Темной горы, у подножия которого раскинулась заболоченная Пустошь Ли. В тех краях местные жители довольно часто слышали странные голоса, что и побудило его отправиться в лес с фонографом, диктофоном и чистым восковым валиком в надежде записать эти голоса. Богатый опыт фольклориста говорил ему, что канун первого мая – ночь ведьмовского шабаша, если верить мрачным европейским поверьям, – вполне подходящая дата, и он не был разочарован. Впрочем, стоит оговориться, с тех пор никаких голосов в том самом месте он ни разу не слышал.

В отличие от большинства других бесед, подслушанных им ранее в лесу, это был своеобразный обряд, в котором участвовал один явно человеческий голос, принадлежность коего Эйкли не смог установить. Голос принадлежал не Брауну, а весьма образованному мужчине. Второй же голос оказался тем, ради чего Эйкли и предпринял свою экспедицию: то было зловещее жужжание, не имевшее ни малейшего сходства с живым человеческим голосом, хотя слова проговаривались четко, фразы строились по правилам английской грамматики, а манера речи напоминала декламацию университетского профессора.

Фонограф и диктофон работали безупречно, и, конечно, большим неудобством было то, что голоса звучали издали и несколько приглушенно, поэтому восковой валик сохранил лишь фрагменты подслушанного обряда. Эйкли прислал мне транскрипцию произнесенных реплик, и, прежде чем включить аппарат, я пробежал ее глазами. Текст был скорее невнятно-таинственным, нежели откровенно пугающим, хотя, зная его происхождение и способ получения, я все равно испытал невыразимый страх.

Приведу текст полностью, каким я его запомнил, – причем я вполне уверен, что точно заучил его наизусть благодаря не только чтению транскрипции, но и многократному прослушиванию записи. Да и как такое забудешь!

(Неразборчивые звуки)

(Голос образованного мужчины)

...есть Повелитель Лесов, равный... и дары обитателей Леса... и так, из кладезей ночи в бездну космоса, и из бездны космоса к кладезям ночи, вечная хвала Великому Ктулху и Цатоггуа и Тому, Кто не может быть Назван по Имени. Да пребудет с Ними вечно слава, да будет изобилие Черному Козлу Лесов. Йа! Шуб-Ниггурат! Козел с Легионом Младых!

(Жужжание, подражающее человеческой речи)

Йа! Шуб-Ниггурат! Черный Козел с Легионом Младых!

(Мужской голос)

И так случилось, что Повелитель Лесов, будучи... семь и девять, вниз по ониксовым ступеням... (вос)славляют Его в Бездне, Азатот, Тот, Кого Ты обучил всем чуде(сам)... на крыльях ночи за пределы бескрайнего космоса, за пределы... Того, чьим последним творением является Юггот, одиноко блуждающий в черном эфире на самом краю...

(Жужжащий голос)

...ходи среди людей и найди свой путь там, что Он в Бездне может знать.

Ньярлатхотепу, Могучему Посланнику, должно поведать обо всем. И Он облечет себя в подобие людей, надев восковую маску и одеяние, что скроет его, и снизойдет из мира Семи Солнц, дабы осмеять...

(Человеческий голос)

(Ньяр)атхотеп, Великий Посланник, несущий странную радость Югготу сквозь пустоту, Отец Миллионов Предпочтимых, Ловец среди...

(Голоса обрываются – конец записи)

Вот что мне предстояло услышать, воспроизведя запись на фонографе. Дрожа от страха, я заставил себя нажать на рычаг; послышался легкий скрип сапфировой иглы звукозаписывающего аппарата. Признаюсь, я обрадовался, когда до моего слуха донеслись обрывки первых невнятных слов, произнесенных человеческим голосом – приятным интеллигентным голосом, в котором можно было различить нотки бостонского говора и который, безусловно, не принадлежал уроженцу вермонтской глуши. Вслушиваясь в невнятную запись, я отмечал полное совпадение реплик с транскрипцией Эйкли. Приятный голос с бостонским выговором вещал нараспев... «Йа! Шуб-Ниггурат! Черный Козел с Легионом Младых!..»

Но затем я услышал другой голос. До сих пор у меня по коже бегут мурашки, стоит мне вспомнить, как он потряс меня, несмотря на то что после описания Эйкли я был готов услышать что угодно. И все, кому я потом пересказывал содержание этой записи, пытались меня убедить, что это всего лишь дешевое надувательство или речи безумца, но имея они возможность своими ушами услышать те богомерзкие речи или ознакомиться с посланиями Эйкли (особенно с подробнейшим вторым письмом), уверен, они бы отнеслись к этому иначе. Очень жаль, что я в свое время не послушался Эйкли и не продемонстрировал запись своим знакомым – о чем я особенно сожалею теперь, когда все письма пропали. Мне, посвященному в события, на фоне которых была сделана запись, и услышавшему ее собственными ушами, жужжащий голос внушил невыразимый ужас. Жужжание быстро сменяло человеческий голос в ритуальном диалоге, но в моем воображении оно звучало отвратительным эхом, несущимся на крыльях сквозь невообразимые бездны из адовых глубин космоса. Прошло уже два года с тех пор, как я в последний раз запускал этот дьявольский восковой цилиндр, но и сейчас, как и тогда, в моих ушах стоит это слабое, едва различимое злое жужжание, и я испытываю тот же самый ужас, что объял меня при первом прослушивании.

«Йа! Шуб-Ниггурат! Черный Козел с Легионом Младых!»

Но хотя я все еще отчетливо слышу этот голос, мне не хватило духу его проанализировать, чтобы точно описать. Он походил на монотонное гудение омерзительного гигантского

насекомого – гудение неземного существа, как бы с усилием преображенного в артикулированную человеческую речь, причем я с полной уверенностью могу утверждать, что органы, производившие эти звуки, ни в малейшей степени не похожи на голосовые связки человека или на голосовой аппарат земных млекопитающих. С учетом ни с чем не сравнимых особенностей тембра, диапазона и обертонов, я не могу поставить это существо в один ряд с человеком или другими земными животными. Его неожиданное звучание в первый момент ошеломило меня, и я дослушал запись до конца, находясь в состоянии отрешенного оцепенения. Когда зазвучал самый продолжительный пассаж этого гудения, ощущение чудовищной безысходности, которое я испытал при прослушивании предыдущего, более короткого фрагмента, усилилось многократно. Запись внезапно обрывалась на середине фразы, которую декламировал с бостонским прононсом высокообразованный мужчина; но после автоматического отключения аппарата я еще долго сидел, бессмысленно уставившись в пустоту.

Вряд ли нужно говорить, что я многократно воспроизводил ту жуткую запись и затем скрупулезно описал и прокомментировал услышанное, сравнивая свои заметки и записи Эйкли. Бесполезно и даже страшно повторять сделанные нами выводы; скажу лишь одно: мы сошлись на том, что нам удалось обнаружить ключ к происхождению ряда наиболее отвратительных древних ритуалов в различных религиях человечества. Мы также уяснили, что в глубочайшей древности возникли весьма сложные связи между таинственными внеземными тварями и некими представителями человеческого рода. Насколько широкое распространение этот альянс получил тогда и насколько он прочен сегодня, в сравнении с прошлыми эпохами, мы не знали, но, по крайней мере, могли строить на сей счет множество самых страшных предположений. По всей видимости, ужасный союз между человеком и безымянной бесконечностью со времен глубокой древности прошел несколько стадий. Богомерзкие твари, по нашему разумению, пришли на Землю с темной планеты Юггот, расположенной на самом краю Солнечной системы, но и она была лишь одной из колоний страшной межзвездной расы, обитающей далеко за пределами пространственно-временного континуума Эйнштейна, вне известного нам большого космоса.

Между тем мы продолжали обсуждать возможный способ доставки черного камня в Аркхем – причем Эйкли считал нежелательным мой приезд к нему, на место его пугающих ночных открытий. По какой-то неведомой мне причине он опасался отправлять камень обычным маршрутом. В итоге он решил сам привезти его в Беллоус-Фоллс и отправить экспрессом по Бостонско-Мэнской железнодорожной ветке, через Кин, Уинчендон и Фичбург, даже невзирая на то, что для этого ему пришлось сделать большой крюк и ехать по безлюдным лесным и горным дорогам, а не напрямик по главному шоссе в Братлборо. По его словам, отправляя мне ранее посылку с фонографической записью, он заметил около почтового отделения в Братлборо незнакомца, чей внешний вид и поведение показались ему весьма подозрительными. Этот незнакомец о чем-то настойчиво расспрашивал почтовых клерков и сел на тот самый поезд, в котором отправилась посылка с восковым валиком. Эйкли признался, что волновался до последней минуты, пока не получил от меня известия о благополучной доставке записи.

Примерно в это самое время – во вторую неделю июля – в очередной раз затерялось мое письмо, о чем Эйкли сразу же мне сообщил. После этого случая он попросил более не адресовать письма в Тауншенд и направлять всю корреспонденцию до востребования в службу почтовой доставки Братлборо, куда он обещал почаще наезжать либо в своем «форде», либо на междугороднем автобусе, который не так давно пришел на смену вечно опаздывающим пассажирским поездам. Я заметил, что в последнее время его беспокойство усилилось, ибо он в мельчайших подробностях описывал участвовавший лай собак безлунными ночами и свежие отпечатки клешней, появлявшиеся по утрам на дороге перед домом и на заднем дворе. Однажды он поведал мне о множестве таких отпечатков рядом с собачьими следами и в под-

тверждение своих слов приложил к письму жуткую фотографию. Это случилось сразу после ночи, когда псы особенно надрывно лаiali и выли.

Утром в среду, 18 июля, я получил от Эйкли посланную из Беллоус-Фоллс телеграмму. Он сообщал, что посылка с черным камнем отправлена по Бостонско-Мэнской ветке поездом № 5508, который уходит из Беллоус-Фоллс в 12:15 по местному времени и прибывает на вокзал Норт-Стейшн в Бостоне в 16:12. По моим расчетам, камень должны были доставить в Аркхем по крайней мере в следующий полдень; соответственно, все утро четверга я пробыл дома в ожидании посылки. Но ни в полдень, ни позднее посылку так и не принесли, а когда я телефони́ровал в офис экспресс-почты, мне сообщили, что никакого почтового отправления на мое имя к ним не поступало. Тогда, уже встревожившись не на шутку, я заказал междугородний разговор с агентом почтовой службы вокзала Норт-Стейшн в Бостоне и не сильно удивился, узнав, что никакой посылки для меня у них нет. Поезд № 5508 прибыл накануне днем, опоздав всего на 35 минут, но в почтовом багаже ящика на мое имя не обнаружилось. Агент, правда, пообещал навести справки о пропавшей посылке, и вечером того же дня я отправил Эйкли письмо, обрисовав сложившуюся ситуацию.

К моему удивлению, ответ из бостонского офиса не заставил себя долго ждать: уже на следующий день агент экспресс-почты сообщил мне по телефону о результатах своей проверки. По его словам, клерк, сопровождавший почту в поезде № 5508, вспомнил об инциденте, который мог бы объяснить пропажу: когда поезд во втором часу пополудни местного времени сделал остановку в Кине, штат Нью-Гэмпшир, к нему обратился незнакомец – худой, рыжеволосый, со странным голосом, с виду деревенский. По его словам, он ждал тяжелую посылку и беспокоился из-за того, что в поезде среди ящиков ее не оказалось и даже в книге записей почтовых отправлений она не значилась. Парень назвался Стэнли Адамсом, у него был очень необычный, густой, какой-то жужжащий голос, и почтовый клерк, пока его слушал, внезапно почувствовал странное головокружение и сонливость. Чем завершилась их беседа, клерк не помнил, но заверил, что его сонливость как рукой сняло, стоило поезду отойти от платформы. Бостонский почтовый агент добавил, что этот молодой клерк работает в компании достаточно давно и до сих пор не имел никаких нареканий по службе, так что его правдивость и надежность не вызывают сомнений.

Тем же вечером я отправился в Бостон расспросить этого клерка лично, узнав его имя и адрес в офисе. Разговорившись с ним – а он оказался добродушным честным малым, – я сразу понял, что ему нечего добавить к первоначальному изложению событий. Меня, правда, удивило, когда клерк заметил, что, встретить он того незнакомца снова, он вряд ли смог бы его узнать. Я вернулся в Аркхем и просидел до утра за письмами к Эйкли, в почтовую компанию, в полицейское управление и станционному начальству в Кине. Сомнений не было: обладатель странного голоса, который необъяснимым образом словно загипнотизировал клерка, сыграл в этом загадочном происшествии основную роль, и я надеялся, что смогу получить хоть какую-то информацию о том, как таинственный незнакомец ухитрился найти и присвоить мою посылку – либо от сотрудников железнодорожной станции в Кине, либо из регистрационной книги местного телеграфного офиса.

Увы, вынужден признать, что мои розыски ни к чему не привели. Обладателя странного голоса и впрямь видели на станции в Кине утром 18 июля, и один местный житель даже припомнил, что да, вроде бы тот нес тяжеленный ящик; но, вообще-то, его там никто не знал и никогда не видел – ни до, ни после. Он не заходил на телеграф, не получал никаких сообщений, о чем телеграфисты должны были бы знать, равно как и не было обнаружено никаких квитанций, свидетельствовавших о том, что черный камень прибыл с поездом № 5508 и был кем-то получен. Естественно, Эйкли присоединился к моим поискам и даже лично съездил в Кин, чтобы расспросить людей возле станции. Но он отнесся к происшествию куда более фаталистически, чем я: похоже, пропажу посылки он счел зловещим предвестием чего-то неотвратимого.

тимого и уже не надеялся ее вернуть. Он говорил о несомненных телепатических и гипнотических способностях горных тварей и их агентов, а в одном из писем намекнул, что, по его мнению, камень уже находится далеко от Земли. Я же был в тихом бешенстве, ибо чувствовал, что мы упустили верный, пусть и зыбкий, шанс добыть из полустертых иероглифов на камне удивительные и важные сведения. Чувство досады продолжало бы бередить мою душу, если бы в последующих письмах Эйкли тайна жутких гор не обнаружила новый аспект, который тотчас же целиком завладел моим вниманием.

IV

Неведомые твари, сообщал мне Эйкли в очередном письме, написанном сильно дрожащей рукой, начали осаждать его дом еще более решительно и агрессивно. Лай собак безлунными ночами теперь стал просто невыносимым, и были даже дерзкие попытки напасть на него на безлюдных дорогах в дневное время. Второго августа, когда он поехал в автомобиле в деревню, путь ему преградило упавшее дерево – как раз в том месте, где шоссе углублялось в лесную чащу. И хотя свирепый лай двух псов, сопровождавших его в поездке, выдал скрытое присутствие богомерзких тварей, как бы все обернулось, не будь с ним собак, он даже не смел предположить. После этого случая, если ему надо было куда-то поехать, он брал с собой по крайней мере двух преданных мохнатых сторожей. Пятого и шестого августа случились новые дорожные происшествия – в первый раз выпущенная кем-то пуля оцарапала кузов «форда», в другой раз собачий лай возвестил о близком присутствии этих тварей в лесной чаще.

Пятнадцатого августа я получил взволнованное письмо, которое немало меня встревожило; прочитав его, я подумал, что пора Эйкли наконец нарушить свой зарок молчания и обратиться за помощью в местную полицию. В ночь с двенадцатого на тринадцатое произошли ужасные события: за стенами его дома гремели выстрелы и свистели пули, и наутро он обнаружил трупы трех из двенадцати сторожевых псов. На дороге нашлось множество отпечатков клешней, среди которых он заметил и следы башмаков Уолтера Брауна. Эйкли телефонировал в Братлборо с намерением приобрести новых собак, но телефонная связь оборвалась прежде, чем он смог произнести первые слова. Тогда он отправился в Братлборо на автомобиле и на телефонной станции узнал тревожную новость: кто-то аккуратно перерезал основной кабель там, где телефонная линия тянулась по безлюдным горам к северу от Ньюфана. Но он вернулся домой с четырьмя новыми волкодавами и несколькими коробками патронов для своего крупнокалиберного охотничьего ружья. Письмо было написано в почтовом отделении Братлборо, и я получил его без задержки.

К этому времени мое отношение к происходящим событиям изменилось – они вызывали у меня теперь не просто научный интерес, но и глубоко личное чувство тревоги. Я тревожился и за Эйкли, осажденного в уединенном доме, и немного за себя. Ведь теперь я был причастен к тайне странных обитателей вермонтских гор и просто не мог не думать о своей вовлеченности в опасную череду таинственных событий. Затянет ли меня трясина этой тайны, стану ли я ее жертвой? Отвечая на последнее письмо Эйкли, я настоятельно посоветовал ему обратиться за помощью к властям и намекнул, что, если он не захочет ничего предпринять, я смогу это сделать сам. Я написал, что готов послушаться его запрета, лично приехать в Вермонт и помочь ему изложить ситуацию представителям закона. В ответ, однако, я получил из Беллоус-Фоллс короткую телеграмму следующего содержания:

БЛАГОДАРИЮ ЗА СОЧУВСТВИЕ НО НИЧЕГО СДЕЛАТЬ НЕЛЬЗЯ НЕ ПРЕДПРИНИ-
МАЙТЕ НИЧЕГО

МОЖЕТЕ ТОЛЬКО НАВРЕДИТЬ НАМ ОБОИМ ЖДИТЕ РАЗЪЯСНЕНИЙ ГЕНРИ
ЭЙКЛИ

Но опасность стремительно нарастала. Ответив на телеграмму Эйкли, я получил написанное дрожащей рукой письмецо с удивительными новостями: оказывается, он не только не отправлял мне никакой телеграммы, но и не получал от меня письма, очевидным ответом на которое я счел эту телеграмму. Он поспешно навел справки в Беллоус-Фоллс и выяснил, что телеграмму отправил худой рыжеволосый парень с необычно густым, как бы жужжащим, голосом. Никаких других подробностей о нем Эйкли выяснить не удалось. Телеграфист показал Эйкли оригинал рукописного текста, но почерк незнакомца был ему совершенно незнаком; правда, он заметил, что имя отправителя написано с ошибкой: ЭЙКЛЕ. Из этого можно было сделать вполне определенные выводы, но, будучи сильно взволнованным, Эйкли не стал о них распространяться в письме. Он сообщил о гибели еще нескольких собак и о покупке новых и о перестрелках, которые теперь случались в каждую безлунную ночь. Он с неотвратимой регулярностью находил среди множества отпечатков клешней на дороге и во дворе позади дома следы Брауна и еще по меньшей мере одной или даже двух пар чьих-то башмаков. Дело, по словам Эйкли, приняло совсем дурной оборот, и он намеревался вскоре перебраться в Калифорнию к сыну, даже вне зависимости от того, удалось бы ему продать старый дом или нет. Ему трудно было покинуть единственное место на земле, которое он считал своим родным, и он тянул время в надежде раз и навсегда отпугнуть непрошенных гостей – в особенности если он бросит свои попытки проникнуть в их тайны.

В ответном письме я вновь предложил Эйкли содействие и повторил, что готов приехать к нему и помочь убедить власти в грозящей его жизни опасности. В очередном письме он, вопреки моим ожиданиям, уже не отказывался столь категорично от предложенного плана, но заявил, что хотел бы еще немного повременить – с тем чтобы привести дела в порядок и свыкнуться с необходимостью навсегда покинуть дорогой его сердцу дом, к которому он был необычайно привязан. Люди всегда косо смотрели на его научные занятия, и было бы разумно обставить внезапный отъезд тихо, не привлекая ничьего внимания и не возбуждая ненужных сомнений в его душевном здоровье. По словам Эйкли, он уже довольно натерпелся за последнее время и хотел бы по возможности капитулировать с достоинством.

Я получил от него письмо 28 августа и тотчас ответил, постаравшись найти как можно более обнадеживающие слова. По-видимому, это подействовало на Эйкли благотворно, ибо в очередном письме он не пустился в ставшие для меня привычными описания ужасов. Правда, он не был и излишне оптимистичным, выражая уверенность, что лишь благодаря полнолунию твари перестали тревожить его по ночам. Он надеялся, что в последующие ночи тучи не скроют яркую луну, и мельком упомянул о намерении снять меблированную комнату в Братлборо, когда луна пойдет на убыль. Я вновь написал ему ободряющее письмо, но 5 сентября получил еще одно послание, отправленное явно ранее моего.

И на это письмо я никак не мог ответить в столь же ободряющем тоне. Ввиду важности сообщения хочу привести его здесь полностью. Итак, вот содержание письма:

Понедельник

Уважаемый Уилмарт,

направляю Вам довольно мрачный P. S. к последнему письму. Прошлой ночью все небо заволокло густыми тучами – но дождь так и не пошел, – и луны не было видно. Ситуация заметно ухудшилась. Думаю, развязка уже близка, как бы мы ни надеялись на лучшее. После полуночи что-то шумно упало на крышу дома, отчего собаки всполошились и выбежали во двор. Я слышал топот их лап и лай, а потом одна ухитрилась запрыгнуть на крышу с пристройки. Там началась ожесточенная схватка, я слышал жуткое жужжание, которого мне никогда не забыть. А потом я почувствовал отвратительную вонь. И в этот самый момент по моим окнам начали стрелять, и я едва увернулся от пуль. Думаю, что основной

отряд горных тварей подошел вплотную к дому, выбрав момент, когда часть собачьей стаи отвлек шум на крыше. Что там произошло, я не знаю, но боюсь, что твари теперь приновились использовать свои гигантские крылья для полетов в воздушном пространстве, а не только в космосе. Я зажег лампу и, воспользовавшись окнами как бойницами, начал палить из ружья, стараясь направлять ствол повыше, чтобы не попасть случайно в собак. Поначалу я решил, что это помогло и опасность миновала. Но наутро я обнаружил во дворе большие лужи крови, а рядом с ними лужи зеленоватого студенистого вещества, отвратительно пахнувшего. Я забрался на крышу и нашел там еще лужи студенистого вещества. Погибло пять собак. Боюсь, одну из них застрелил я сам, когда направил ствол ружья слишком низко, потому что на спине у нее зияла пулевая рана. Сейчас я меняю оконные рамы, поврежденные выстрелами, и собираюсь поехать в Братлборо за новыми собаками. Не удивлюсь, если хозяин собачьего питомника считает меня сумасшедшим. Чуть позднее черкну еще пару слов. Думаю, буду готов к переезду недели через две, хотя сама мысль об этом меня просто убивает.

Извините, что пишу второпях,

Эйкли

На следующее утро – то есть 6 сентября – я получил еще одно письмо, нацарапанное дрожащей, точно в лихорадке, рукой. Оно обескуражило меня настолько, что я места себе не мог найти. Постараюсь как можно точнее воспроизвести текст по памяти:

Вторник

Тучи не рассеялись, луны опять нет – и она пошла на убыль. Я бы снова подключил в доме электричество и выставил прожектор, если бы не был уверен, что стоит починить провода, как они их сразу же опять перережут.

Мне кажется, что я схожу с ума. Возможно, все, о чем я писал Вам ранее, всего лишь дурной сон или плод помраченного рассудка. Раньше было все плохо, но на этот раз хуже уже некуда. Они разговаривали со мной прошлой ночью – мерзкими жужжащими голосами, и то, что мне сказали, я просто не смею повторить. Эти голоса перекрывали собачий лай, но однажды, когда лай их заглушил, заговорил человеческий голос. Не связывайтесь в это, Уилмарт, – все обстоит куда хуже, чем мы с Вами думали. Теперь они не позволят мне переехать в Калифорнию – они хотят забрать меня живым или в том состоянии, которое можно назвать теоретически или интеллектуально живым, не только на Юггот, но и еще дальше, за пределы галактики, а возможно, и за искривленный оком космического пространства. Я заявил, что не соглашусь последовать туда, куда они намерены – или предлагают – меня забрать, но боюсь, теперь все бесполезно. Мой дом стоит на отшибе, и они очень скоро придут сюда снова, либо днем, либо ночью. Я потерял еще шесть собак, и я отчетливо ощущал их присутствие на лесистых участках дороги, когда ехал сегодня в Братлборо. Напрасно я отправил Вам записку и черный камень! Уничтожьте восковой валик, пока не поздно. Черкну Вам еще завтра, если буду жив. Ах, если бы мне удалось снять комнату в Братлборо и перевезти туда свои вещи и книги! Я бы сбежал отсюда, бросив все, если бы мог, но некая внутренняя сила удерживает меня здесь. Конечно, я могу тайком ускользнуть в Братлборо, где я окажусь в безопасности, но я буду чувствовать себя пленником и там, как и здесь, в доме. И похоже, я знаю, что мне не удалось бы спастись от них, даже если бы я все бросил и попытался бежать. Все слишком ужасно – не связывайтесь в это дело!

Ваш Эйкли

Получив это жуткое письмо, я всю ночь не мог сомкнуть глаз, теперь уже вконец усомнившись в душевном здоровье Эйкли. То, что он писал, было полным безумием, хотя манера изложения – принимая во внимание все предшествующие события – отличалась мрачной силой

убедительности. Я даже не стал писать ему, сочтя, что теперь самое разумное – дожидаться, когда Эйкли найдет время ответить на мое предыдущее письмо. И на следующий день его ответ пришел, хотя изложенные в нем самые свежие новости затмили все разумные доводы, приведенные мной в предыдущем послании. Вот что я запомнил из того текста, написанного в лихорадочной спешке нетвердым пером со многими пометками.

Среда

У,

получил Ваше письмо, но больше нет смысла что-либо обсуждать. Я сдался. Странно, что мне еще достаёт силы воли сражаться с ними. Мне не спастись, даже если я решу все бросить и бежать. Они все равно доберутся до меня где угодно.

Вчера получил от них письмо – его принес почтальон, пока я был в Братлборо. Написано и отослано из Беллоус-Фоллс. Сообщают, что намерены со мной сделать, – но я не могу этого повторить. Вам тоже следует опасаться! Уничтожьте запись! Ночное небо все в тучах, а от луны остался тонкий месяц. Если бы кто-то мне помог! Это могло бы укрепить мою силу воли. Но любой, кто осмелится прийти ко мне на помощь, наверняка назовет меня безумцем, не найдя веских доказательств моей правоты. Мне даже некого попросить приехать ко мне без всякого повода – ведь я ни с кем не поддерживаю связь уже многие годы.

Но Вы еще не знаете самого ужасного, Уилмарт. Соберитесь с духом, чтобы продолжить чтение, ибо Вам предстоит пережить шок. Я говорю правду. Вот она: я видел одну из тварей и дотрагивался до нее – точнее, до ее конечности. Боже, как это ужасно! Разумеется, она была мертва. Ее загрыз один из моих псов, и я нашел ее труп около псарни сегодня утром. Я попробовал сохранить тело в сарае, чтобы показать людям и убедить их в своей правоте, но через несколько часов оно испарилось! От тела ничего не осталось. Вспомните, что мертвых тварей в реках видели только в первое утро наводнения. Но вот самое страшное. Я попытался сфотографировать для Вас мертвую тварь, но когда проявил пленку, там ничего не было видно, кроме сарая. Из чего же она состоит? Я видел ее и трогал ее, и все они оставляют следы на земле. Она явно материального происхождения – но что это за материал? Описать ее форму я затрудняюсь. Вообразите гигантского краба с туловищем из густого студенистого вещества, которое составлено, как пирамида, из множества плотных колец или узлов, покрытых множеством щупальцев в том месте, где у человека находится голова. А зеленое студенистое вещество является их кровью или живительным соком. И таких тварей на Земле с каждой минутой становится все больше и больше.

А Уолтер Браун пропал – никто больше не видел его. Наверное, я подстрелил его из ружья, а эти твари обычно утаскивают с собой своих убитых и раненых.

Доехал до поселка сегодня без приключений. Но боюсь, они просто перестали меня преследовать, ведь они уже не сомневаются в моей покорности. Пишу это письмо на почте в Братлборо. Может быть, это мое прощальное письмо – в таком случае свяжитесь с моим сыном по адресу: Джордж Гуденаф Эйкли, Плезант-стрит, 176, Сан-Диего, штат Калифорния, – но сами сюда не приезжайте! Напишите моему мальчику, если в течение недели от меня не будет никаких известий, и следите за новостями в газетах!

А теперь я намерен выложить свои последние два козыря – если мне хватит на это духу. Во-первых, попробую воздействовать на тварей ядовитым газом (у меня есть все необходимые химикаты, и я смастерил противогазы для себя и для собак), а потом, если и это не подействует, расскажу обо всем нашему шерифу. Меня могут, конечно, поместить в психиатрическую лечебницу, – но так оно будет лучше, чем то, что намереваются сотворить со мной эти чудовища. Возможно, мне удастся уговорить власти обратить пристальное внимание на следы вокруг дома, – они едва заметны, но я нахожу их каждое утро. Впрочем, предполагая, что полиция скажет, будто это я сам всё подстроил, ведь все считают меня чудаком.

Надо вызвать кого-нибудь из полиции штата и уговорить провести тут ночь, чтобы все увидеть своими глазами, – хотя не исключая, что твари об этом прознают и именно в эту ночь не станут мне докучать. Ночью они перерезают телефонные провода всякий раз, когда я пытаюсь вызвать подмогу, – на телефонной станции считают все это весьма странным, они могли бы подтвердить мои слова, если бы не подозревали, что я сам и порчу провода. Вот уже целую неделю я даже не пытаюсь вызвать мастера для восстановления телефонной связи.

Я мог бы убедить кое-кого из наших неграмотных стариков засвидетельствовать реальность этих ужасов, но здесь над ними только смеются, и, в любом случае, даже старики давно уже обходят мой дом стороной, так что им ничего не известно о последних событиях. Вы самого никчемного из этих невежд-фермеров не заставьте подойти ближе чем на милю к моему дому! Почтальон рассказывал, как они отзываются обо мне и какие шуточки отпускают на мой счет. Боже! Если бы я мог его убедить в реальности всего этого! Возможно, стоило бы показать ему следы на дороге, но он разносит почту после полудня, а к этому времени следы уже не столь отчетливы. И даже если бы мне удалось сохранить хоть один след, поместив над ним коробку или тазик, он, конечно же, сочтет, что это подлог или шутка.

Можно лишь пожалеть, что я жил таким отшельником и соседи перестали заходить ко мне в гости, как бывало когда-то. Я никому не показывал ни тот черный камень, ни фотографии и не проигрывал запись – за исключением лишь малограмотных стариков. Другие сказали бы, что это розыгрыш, и подняли бы меня на смех. Надо показать кому-нибудь фотографии. На них отпечатки клешней вышли очень четко, хотя мне не удалось сфотографировать самих тварей. Как досадно, что никто не видел эту мертвую тварь сегодня утром до того, как она обратилась в ничто!

Но теперь мне все равно. После всего, через что я прошел, сумасшедший дом для меня ничем не хуже, чем любое другое место. Доктора помогут мне решиться на продажу дома, а это именно то, что может меня спасти.

Напишите моему сыну Джорджу, если от меня долго не будет вестей. Прощайте, уничтожьте запись и не связывайтесь ни во что.

Ваш Эйкли

Честно говоря, это признание ужаснуло меня несказанно, породив самые мрачные мысли. Я не знал, что ему ответить, но все же нацарапал несколько беспомощных фраз ободрения и отправил письмецо заказной почтой. Помнится, я настоятельно советовал Эйкли немедленно переехать в Братлборо и обратиться за защитой к местным властям, добавив, что приеду туда с фонографической записью и помогу доказать в суде его вменяемость. И еще я, кажется, написал, что пришло время предупредить людей об опасности, грозящей им с появлением этих тварей. Надо сказать, что в ту минуту сильнейшего волнения моя собственная вера во все, что поведал мне Эйкли, была почти полной и безоговорочной, хотя у меня и промелькнула мысль, что неудачная попытка сфотографировать мертвое чудовище объясняется не столько капризом природы, сколько его собственной оплошностью.

V

А днем в субботу, 8 сентября, по-видимому опередив мою кратенькую записку, от него пришло новое, в высшей степени странное письмо. Аккуратно напечатанное на пишущей машинке, оно было выдержано в совершенно ином – удивительно спокойном и умиротворенном – тоне, причем его автор радушно приглашал меня приехать к нему. Это письмо стало неожиданным поворотным пунктом в развитии всей этой кошмарной драмы в уединенных горах. Я приведу его по памяти и постараюсь, не без причины, передать по возможности как можно точнее особенности его стиля. Судя по штемпелю на конверте, оно было отправлено

из Беллоус-Фоллс, и на машинке был отпечатан не только сам текст, но даже и подпись, как это нередко делают люди, только-только овладевшие навыками машинописи. Сам же текст был напечатан без единой опечатки, что необычно для новичка, из чего я заключил, что Эйкли, видимо, когда-то пользовался пишущей машинкой – наверное, в колледже. Честно говоря, я прочитал это письмо с великим облегчением, хотя и не смог до конца избавиться от некоей смутной тревоги. Если Эйкли сохранил здравый рассудок после всех описанных им ужасов, был ли он в здравом рассудке теперь, после избавления от своих напастей? И упомянутое им «налаживание интеллектуального взаимопонимания»... Это как понимать? Словом, все в этом послании говорило о неожиданной радикальной смене настроения Эйкли. Но вот содержание письма, точно восстановленного по памяти, которой я весьма горжусь.

Тауншенд, штат Вермонт

Четверг, 6 сент. 1928 г.

Дорогой Уилмарт, с радостью должен успокоить Вас относительно всех тех глупостей, которые я Вам написал. Я говорю «глупости» и под этим подразумеваю свое продиктованное страхом отношение к происходящему, а не описание определенных явлений. Эти явления реальны и чрезвычайно важны; и ошибкой было мое неправильное отношение к ним. Думаю, я упоминал, что мои странные визитеры уже предпринимали попытки вступить в общение со мной, и вот наконец-то прошлой ночью мы впервые установили полноценный контакт. В ответ на определенные звуковые сигналы я принял в доме посланца этих существ – спешу уточнить: человека. Он рассказал много такого, чего ни Вам, ни мне не могло даже в голову прийти, и ясно дал понять, насколько глубоко мы заблуждались относительно Пришлых и насколько неверно истолковали цель нахождения их тайной колонии на нашей планете. Похоже, все злонамеренные небылицы о предложениях, которые они якобы делают людям, и о цели их пребывания на Земле есть целиком и полностью результат невежественного непонимания их аллегорической речи – речи, понятное дело, сформировавшейся на базе культуры и интеллектуальных обычаев, безмерно далеких от самых смелых наших фантазий. Мои собственные умозаключения, признаюсь откровенно, были столь же далеки от истины, как любые догадки нашей невежественной деревенщины и диких индейцев. То, что мне представлялось мрачным, постыдным и богомерзким, на самом деле вызывает благоговейный восторг, если не сказать восхищение, и расширяет наши представления о мире – и мои прежние оценки были всего лишь проявлением извечной склонности человека ненавидеть, опасаться и сторониться всего, что отличается от привычного.

Теперь я могу лишь сожалеть о том вреде, который я причинил этим удивительным внеземным существам в ходе наших ночных стычек. Как жаль, что с самого начала я не догадался мирно и благоразумно побеседовать с ними. Но они не держат на меня зла. Ибо их эмоциональная организация весьма отличается от нашей. На беду, они выбрали в качестве своих агентов в Вермонте недостойные образчики рода человеческого – каким, к примеру, был ныне покойный Уолтер Браун. Это он заставил их отнестись ко мне с предубеждением. Вообще-то, они никогда сознательно не причиняли людям вреда, но часто сами становились жертвами злонамеренных оговоров и преследований со стороны нас, землян. Существует тайный культ грешников (такой человек, как Вы, обладающий глубокими познаниями в области мистической науки, поймет меня, если я скажу, что этот культ связан с Хастуром и Желтым Знаком), посвятивших себя выслеживанию и уничтожению их ради чудовищных сил, господствующих в иных измерениях. Именно против таких воинственных выродков – а вовсе не против нормальных людей – направлены строгие меры предосторожности Пришлых. Случайно я узнал, что многие наши потерянные письма были украдены вовсе не Пришлыми, но эмиссарами жрецов этого греховного культа.

Все, что надо Пришлым от человека, – это мир, невмешательство в их дела и налаженное интеллектуальное взаимопонимание. Это последнее совершенно необходимо теперь, когда новейшие изобретения и механизмы расширяют наше знание и улучшают способы передвижения, что представляет возрастающую угрозу для тайных колоний Пришлых на нашей планете. Внеземные существа хотят, во-первых, лучше изучить человечество и, во-вторых, дать возможность избранным философам и ученым Земли узнать о них как можно больше. Благодаря такому взаимному обмену знаниями все невзгоды уйдут в прошлое и установится благоприятный *modus vivendi*¹². Сама же идея об их стремлении поработить или уничтожить человечество просто смехотворна.

В знак такого улучшения взаимопонимания Пришлые, естественно, выбрали меня – кто обладает уже довольно значительным багажом знаний о них – своим главным посланником на Земле. Многое я узнал прошлой ночью – факты поразительного и многообещающего свойства, – и вскоре мне будет сообщено куда больше – как устно, так и письменно. Меня не призывают прямо сейчас покинуть Землю, хотя в будущем я, возможно, захочу совершить такое путешествие, для чего мне придется прибегнуть к особым средствам и пережить такое, что невозможно вообразить, основываясь только на человеческом опыте. Больше они не будут подвергать мой дом осаде. Все вернулось к нормальному состоянию. И моим собакам больше не надо меня сторожить. Теперь вместо ужаса мне обещаны неисчерпаемые кладези знаний и интеллектуальные приключения, до сих пор изведенные лишь немногими смертными.

Пришлые, вероятно, самые чудесные органические существа во всем космосе и за его пределами; это представители космической расы, в сравнении с которыми все иные формы жизни являются лишь тупиковыми ветвями. Они скорее растительной, нежели животной природы, если только в этих терминах можно описать субстанцию, из коей они созданы, и имеют грибовидную структуру, хотя наличие хлорофиллоподобного вещества и очень необычной пищеварительной системы разительно отличает их от обычных листостебельных грибов. В сущности, данный тип существ создан из уникальной разновидности материи, не встречающейся на нашем участке космического пространства, – и ее электроны имеют совершенно иной коэффициент вибрации. Вот почему эти существа не отображаются на обычной фотопленке или фотопластинке, хотя мы можем их видеть невооруженным глазом. Впрочем, при должном знании любой хороший химик смог бы создать особую фотозмульсию, с помощью которой можно было бы запечатлеть их изображения.

Эти существа уникальны в своей способности перемещаться в холодном безвоздушном пространстве, сохраняя телесную форму, хотя некоторые их разновидности могут это делать лишь с помощью механических устройств либо подвергнувшись любопытной хирургической операции. Лишь немногие их виды имеют крылья, резистентные к космическому эфиру, что характерно именно для вермонтской разновидности. Существа же, населяющие наиболее удаленные горные пики Старого Света, попали на Землю иначе. Их внешнее сходство со зверями и сходство их структуры с тем, что у нас называется материей, есть результат параллельной эволюции, а не генетического родства. Способности их мозга превосходят способности любой из существующих ныне форм земной жизни, притом что крылатое семейство обитателей здешних гор считается отнюдь не самым высокоразвитым из их видов. Телепатия является их обычным способом общения, хотя они имеют рудиментарные органы речи, и после несложной операции (а все эти существа обладают навыками хирургии, которую они довели до высочайшего совершенства) они могут более или менее точно копировать речь тех разновидностей органической жизни, которые для общения все еще пользуются языком. Основное место их обитания – до сих пор еще не открытая и пребывающая во мраке планета на самом краю нашей Солнечной системы, за орбитой Нептуна. Как мы с Вами и предпола-

¹² Уклад жизни (лат.).

гали, эта девятая от Солнца планета в некоторых древних запретных книгах имеет мистическое имя Юггот, и довольно скоро она станет источником концентрированного потока мысли, направленного на нашу планету с целью налаживания интеллектуального взаимопонимания. Не удивлюсь, если астрономы когда-нибудь смогут зафиксировать эти мыслепотоки и откроют Юггот, когда сами Пришлые этого пожелают. Но Юггот, разумеется, – это только перевалочный пункт. Основная масса существ населяет странно организованные бездны, которые не дано постичь человеческому сознанию. Пространственно-временная сфера, которую мы принимаем за единую космическую сущность, – это лишь атом в бесконечности, где они существуют. И многие глубины этой бесконечности – из тех, что доступны человеческому разуму, – рано или поздно откроются мне точно так же, как они открылись не более чем пяти десяткам выдающихся людей за всю историю человечества.

Вам, Уилмарт, все это поначалу может показаться безумием, но со временем Вы сполна оцените всю значимость дарованного мне феноменального шанса. Я хочу по возможности поделиться этим шансом с Вами, вот почему мне нужно поведать Вам в личной беседе нечто, чего нельзя доверить бумаге. Ранее я настрого запрещал Вам сюда приезжать. Но теперь, обретя полную безопасность, я с радостью отказываюсь от своего запрета и приглашаю Вас к себе.

Вы сможете приехать до начала очередного семестра в колледже? Было бы просто чудесно, если бы Вам это удалось. Захватите с собой фонографический валик с записью и все мои письма, чтобы мы вместе могли восстановить последовательность событий этой грандиозной истории. Привезите также и фотоснимки, так как я в этой суматохе куда-то задевал негативы и свои копии отпечатков. Знали бы Вы, какое обилие новых фактов я могу сейчас прибавить к своим прошлым догадкам и гипотезам – и каким потрясающим устройством я обладаю в дополнение к этим фактам!

Даже не сомневайтесь! Теперь за мной никто не шпионит, и Вы не найдете тут ничего сверхъестественного или пугающего. Просто приезжайте – на вокзале в Братлборо Вас будет ждать мой автомобиль – и приготовьтесь пробыть у меня столько, сколько пожелаете! Нас ждут многие вечера увлекательных бесед о вещах, не подвластных человеческому пониманию. Но разумеется, никому об этом не рассказывайте, ибо это не должно стать достоянием бестолковой публики.

Железнодорожное сообщение с Братлборо вполне надежно ~ можете ознакомиться с расписанием поездов в Бостоне. Садитесь на поезд Бостонско-Мэнской ветки до Гринфилда, там сделайте пересадку, после чего нужно будет проехать еще несколько станций. Рекомендую удобный поезд в 16:10 из Бостона. Он прибывает в Гринфилд в 19:35, откуда в 21:19 отправляется поезд на Братлборо, прибывающий туда в 22:01. Это расписание для рабочих дней. Сообщите мне дату Вашего приезда, чтобы автомобиль был готов для встречи Вас на вокзале.

Извините, что печатаю письмо на машинке, но в последнее время, как Вам известно, моя рука стала нетверда, и мне трудно писать длинные тексты. Я приобрел эту «Корону» вчера в Братлборо – похоже, машинка в неплохом состоянии.

Жду от Вас вестей и надеюсь вскоре увидеть Вас лично, и фонографический валик, и все мои письма, и фотоснимки также.

Остаюсь Ваш, в предвкушении встречи,
Генри У. Эйкли

АЛЬБЕРТУ Н. УИЛМАРТУ, ЭСК.
МИСКАТОНИКСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ,
АРКХЕМ, МАСС.

Не могу описать, сколь сложные эмоции нахлынули на меня, когда я читал, перечитывал и обдумывал это в высшей степени удивительное и абсолютно неожиданное письмо. Как уже было сказано, я почувствовал одновременно великое облегчение и тревогу. Но эти слова могут лишь весьма приблизительно описать сложные нюансы различных и по большей части подознательных движений души, вызвавших и мое облегчение, и мою тревогу. Начать с того, что сие послание полностью противоречило описанным в предыдущих письмах жутким кошмарам – и ничто не предвещало этой молниеносной и полной перемены настроения: от нескрываемого ужаса к невозмутимому благодушию и даже восторженной экзальтации. Я едва ли мог поверить, что столь мгновенная перемена в душевном состоянии человека, направившего мне нервический отчет о страшных событиях среды, могла произойти всего за один день, какие бы радостные открытия ему ни довелось пережить в ночь на четверг. В какие-то моменты ощущение явной ирреальности рассказа заставляло меня гадать, не было ли его маловразумительное описание космической драмы с участием фантастических существ чем-то вроде галлюцинации, родившейся в моем собственном сознании... Но потом я вспомнил о фонографической записи, и этот факт озадачил меня еще больше.

Я мог ожидать от Эйкли чего угодно, но только не такого аккуратно напечатанного на машинке письма. Проанализировав свои впечатления, я пришел к выводу, что в них можно выделить два момента. Во-первых, допуская, что Эйкли был и остается в здравом уме, произошедшая смена настроения представлялась мне чересчур стремительной и неправдоподобной. А во-вторых, изменения в общем настроении, в отношении к происходящему и даже в стилистике письма были очень уж неестественными и непредсказуемыми. В личности Эйкли, казалось, произошла болезненная мутация – мутация столь глубокая, что обе фазы его изменившегося душевного состояния трудно было примирить, исходя из допущения, что обе они в равной степени демонстрировали душевное здоровье.

Выбор слов, орфография – все было другим! А уж с моим тонким чувством прозаического стиля, приобретенным за долгие годы университетских занятий, мне было легко отметить глубокие различия в строении самых простых фраз и в общем ритмическом рисунке письма. Должно быть, он и впрямь пережил сильнейшее эмоциональное потрясение или откровение, которое вызвало столько радикальный переворот в его сознании! С другой же стороны, это вполне соответствовало характеру Эйкли. Все та же тяга к бесконечности – все та же пылкость ученого ума. Я ни на мгновение не мог допустить мысли, что это письмо – фальшивка или злонамеренный розыгрыш. И разве его приглашение – то есть именно желание, чтобы я лично удостоверился в правдивости его слов – не есть доказательство подлинности письма?

Всю ночь субботы я просидел в раздумьях о тайнах и чудесах, маячивших за строками полученного мною письма. Мой разум, утомленный быстрой сменой чудовищных теорий, с которыми он вынужден был столкнуться в последние четыре месяца, анализировал этот удивительный новый материал, чередуя сомнение и согласие, которые сопровождали меня на протяжении всего моего знакомства с этими диковинными событиями. И вот уже ближе к рассвету жгучий интерес и любопытство постепенно преодолели разыгравшуюся в моей душе бурю замешательства и тревоги. Безумец Эйкли или нет, пережил ли он глубокий душевный перелом или просто испытал огромное облегчение, все равно было ясно, что он и впрямь совершенно иначе стал относиться к своим рискованным изысканиям. И эта перемена поборолла ощущение опасности – реальной или воображаемой – и одновременно открыла ему головокружительные просторы космического сверхчеловеческого знания. Моя страсть к неведомому, встретившись с его точно такой же страстью, вспыхнула с новой силой, и я словно заразился его желанием раздвинуть преграды познанного, сбросить с себя отупляющие, сводящие с ума оковы времени, пространства и законов природы, чтобы ощутить связь с безграничным пространством космоса и приблизиться к бездонным темным тайнам бесконечности и абсолютного знания. Ну конечно, ради этого стоило рискнуть жизнью, душой и рассудком! К тому же,

как сказал Эйкли, опасности больше нет – не зря же он пригласил меня приехать к нему, хотя раньше умолял этого не делать. Я трепетал от одной только мысли, что Эйкли собрался поведать мне о неслыханных чудесах, – и ощущал невыразимое волнение, представив, как я окажусь в уединенном фермерском доме, совсем недавно пережившем жуткую осаду пришельцев, и буду вести беседы с человеком, общавшимся с настоящими посланцами космоса; и как мы будем вновь прослушивать ту жуткую запись и перечитывать письма, в которых Эйкли поделился со мной своими первыми соображениями...

Итак, воскресным утром я телеграфировал Эйкли, что встречу с ним в Братлборо в следующую среду, 12 сентября, если его это устраивает. Лишь в одном пункте я не последовал предложенному им плану действий, а именно в выборе поезда. Честно сказать, мне не понравилась перспектива прибыть в мрачную вермонтскую глушь поздним вечером, поэтому я телефонировал на станцию и заказал билеты на другое время. Встав рано утром, я мог доехать до Бостона поездом в 8:07 и успеть на поезд, который отправлялся в 9:25, и прибывал в Гринфилд в 12:22. Далее меня ожидала очень удобная пересадка на поезд, прибывавший в Братлборо в 13:08, что меня устраивало куда больше, чем встреча с Эйкли на вокзале в начале одиннадцатого вечера и долгая поездка под покровом тьмы среди таинственных сумрачных гор.

Я телеграфировал Эйкли свое решение и из ответной телеграммы, которая пришла ближе к вечеру, с радостью узнал, что это вполне согласовывалось с планами моего гостеприимного хозяина.

Его телеграмма гласила:

ПРЕДЛОЖЕННЫЙ ВАРИАНТ УСТРАИВАЕТ ВСТРЕЧУ
ПОЕЗД 8:01 СРЕДУ НЕ ЗАБУДЬТЕ ЗАПИСЬ ПИСЬМА
И СНИМКИ ЗДЕСЬ ВСЕ ТИХО ЖДИТЕ ВЕЛИКИХ
ОТКРЫТИЙ ЭЙКЛИ

Получив незамедлительный ответ на мою телеграмму, которую ему из Тауншенда либо доставил домой почтальон, либо продиктовали текст по телефону – линию, как я надеялся, уже восстановили, – я окончательно отмел все подсознательные сомнения относительно авторства предыдущего, столь поразившего меня письма. Теперь я был абсолютно спокоен – почему, я и сам вряд ли смог бы объяснить. Но как бы то ни было, все мои сомнения были отброшены. В ту ночь я быстро уснул и крепко проспал до самого утра, а последующие два дня посвятил приготовлениям к поездке.

VI

В среду, как и было уговорено, я отправился на вокзал, захватив с собой саквояж с личными вещами и нашим научным архивом, включавшим фонографическую запись, фото-снимки и папку с полным комплектом писем Эйкли. Выполняя его волю, я никому ни словом не обмолвился о том, куда еду, ибо понимал, что это дело требует полной приватности, даже если все обернется благоприятным образом. Сама мысль об интеллектуальном контакте с иноземными существами была слишком ошеломительной даже для моего натренированного и готового ко многим открытиям мозга; можно себе представить, какое воздействие это событие могло бы оказать на мозги ничего не подозревающих обывателей. Сам не знаю, какое из чувств было сильнее – ужас или жажда приключений, – когда после пересадки в Бостоне началось мое долгое путешествие на северо-запад и поезд помчал меня прочь от знакомых мест к городкам, о которых я знал лишь по названиям на географической карте. Уолтхем... Конкорд... Эйер... Фичбург... Гарднер... Эйтол...

Мы прибыли в Гринфилд с семиминутным опозданием, но экспресс в северном направлении, на который мне предстояло пересесть, к счастью, еще не отбыл. Делая пересадку в поездах, я ощущал беспричинное волнение, когда смотрел, как освещаемый лучами утреннего солнца поезд направляется в ту часть страны, о которой я много читал, но где еще ни разу не был. Я размышлял о том, что скоро окажусь в ветхозаветной Новой Англии, куда более примитивной, чем механизированные и урбанизированные восточные и южные штаты, в которых прошла вся моя жизнь, – в девственной старомодной стране без иммигрантов и фабричного дыма, без придорожных рекламных щитов и бетонных шоссе, ставших уже привычными элементами современной цивилизации. Я готовился воочию увидеть чудесные проявления неизменного на протяжении веков жизненного уклада, который благодаря глубокой укорененности в местных обычаях дал самобытные всходы, оживляя странные стародавние предания и формируя благодатную почву для мрачных и фантастических суеверий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.